

А. Зиновьев

ЛЕГЕНДОЙ ВЕРНУТЬСЯ К ЛЮДЯМ

Герои Советского Союза

Цена 10 коп.

Кто к нам с мечом
Войдет, тот от меча
и погибнет.

А НЕВСКИЙ

Герои Советского Союза

Герои Советского Союза

А. Зиновьев

ЛЕГЕНДОЙ ВЕРНУТЬСЯ К ЛЮДЯМ

Документальная
повесть

Башкирское книжное издательство
Уфа — 1982

А. Зиновьев

3—63 **Легендой вернуться к людям.— Уфа, Башкирское книжное издательство, 1982 — с. 96.**

Документальная повесть журналиста А. Зиновьева рассказывает о воспитаннике комсомола Башкирии Герое Советского Союза гвардии лейтенанте Миннигали Губайдуллине, повторившем в годы Великой Отечественной войны бессмертный подвиг Александра Матросова. Автор на основе большого документального материала, встреч с земляками Героя, с очевидцами последнего боя под селом Дудчаны на Херсонщине ярко и убедительно показывает становление характера отважного воина, истоки его подвига.

3 $\frac{70803-81}{M121(3)-82}$ 127—82

63. 3(2)722. 78

В боях за освобождение правобережья реки Днепр и городов Берислав и Херсон тов. Губайдуллин проявил исключительную храбрость и мужество, сыгравшие решающее значение в успехе полка и дивизии... Полк вел наступательные действия на рубеже обороны противника Дудчаны-Рядовое, но ввиду сильной обороны не имел успеха. Прорыву обороны противника препятствовало выгодное расположение его огневых точек... на возвышенной местности—кургане.

Для того, чтобы прорвать оборону противника, нужно было любой ценой уничтожить огневые точки на кургане и занять его с тем, чтобы дать возможность полку выйти в прорыв на господствующей местности. Для решения этой задачи товарищ Губайдуллин получил приказ любой ценой своим взводом уничтожить огневые точки и овладеть курганом. Губайдуллин повел свой взвод на штурм дзота... Противник открыл губительный огонь. Казалось, совершенно невозможно подойти к дзоту. Но бесстрашие и сознание своего воинского долга безостановочно двигали Губайдуллина вперед.

Подойдя на близкое расстояние к дзоту, тов. Губайдуллин бросился к амбразуре, но в это время почти смертельно был ранен. Однако, не потеряв еще сознания, он продолжал командовать взводом и ползти к амбразуре... Он своим телом прикрыл ее. Курган был занят, и полк успешно начал просачиваться в тыл противника. Противник стал постепенно отходить на участке всей дивизии.

Из наградного листа о представлении посмертно гвардии лейтенанта Миннигали Губайдуллина к присвоению звания Героя Советского Союза.

НЕ ПОМЕРКНЕТ В ВЕКАХ

Тысячи уфимцев пришли солнечным днем 8 мая 1980 года в парк «Нефтяник» на открытие памятника Героям Советского Союза Александру Матросову и Миннигали Губайдуллину. Он сооружен на высоком бельском берегу в канун 35-летия Победы над фашистской Германией. Среди собравшихся ветераны войны и труда — Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда, представители трудящихся столицы республики, воины Уфимского гарнизона, студенты вузов, комсомольцы и юные ленинцы.

В распускающейся зелени березовых аллей, в цветах, в кумаче полощущихся на ветру флагов, в меди оркестра — во всем царили приподнятость и торжественность.

Выступившие на митинге еще раз подчеркнули, что Великая Отечественная война наглядно продемонстрировала могучую силу ленинской дружбы народов. В стальных рядах бойцов плечом к плечу шли русские и украинцы, белорусы и казахи,

башкиры и чуваша, татары и марийцы — славные сыны и дочери всех советских наций и народностей.

Достойный вклад в защиту Отечества внесли и трудящиеся Советской Башкирии. За годы войны в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота из республики влились 704498 человек. Они отважно сражались на всех фронтах и в тылу врага, защищая в кровопролитных боях Москву и Ленинград, Одессу и Сталинград, громя фашистские полчища в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике, участвуя в освобождении порабожденных народов Европы.

За мужество и отвагу, проявленные на поле брани, более 200 тысяч наших земляков были награждены боевыми орденами и медалями. 275 отважных стали Героями Советского Союза, в том числе летчик-штурмовик Муса Гареев удостоен этого звания дважды. 33 воина стали полными кавалерами ордена солдатской Славы. Одна Башкирская кавалерийская дивизия вырастила 76 Героев Советского Союза. Такое созвездие героев в одной дивизии — явление уникальное во всей Советской Армии. Три Героя Советского Союза вышли из одной деревни Кинзя Кумертауского района. Символично, что среди них — потомок видного сподвижника Емельяна Пугачева Кинзи Арсланова — Гафият Арсланов.

Бессмертный подвиг, перед которым низко склоняет голову все человечество, совершил уфимский комсомолец Александр Матросов.

23 февраля 1943 года он в бою за деревню Чернушки под Великими Луками, пренебрегая смертельной опасностью, добровольно вызвался уничтожить фашистский дзот, который сдерживал на-

ступление подразделения. Когда кончились гранаты, Матросов своим телом закрыл огнедышащую амбразуру, чем спас жизнь многих бойцов и обеспечил выполнение боевой задачи.

В приказе Наркома Обороны И. В. Сталина его подвиг был оценен как пример воинской доблести и героизма для всей Красной Армии. Гвардии рядовому А. М. Матросову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Его подвиг действительно стал образцом верности присяге — его повторили 275 человек — представители разных национальностей. Первым среди офицеров это совершил в боях под Херсоном уроженец деревни Уршакбаш-Карамалы Миякинского района лейтенант Миннигали Губайдуллин.

Герои навечно занесены в списки боевых частей, где они служили. Их именами названы колхозы, школы, кинотеатры, пионерские дружины. Их подвигам посвятили свои произведения поэты, писатели, композиторы и художники.

Жив и вечно будет жить в памяти великий ратный подвиг народа. О глубине чувств признательности и поклонения перед 20 миллионами наших отцов и матерей, братьев и сестер, отдавших жизни ради счастья других, говорят заботливо ухоженные братские могилы, мемориальные комплексы и памятники. Не увядают живые цветы на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, все новые и новые поколения людей приходят к подножию величественного монумента на Мамаевом кургане.

Памятник Александру Матросову и Миннигали Губайдуллину олицетворяет собой нерушимое братство русского и башкирского, всех советских наро-

дов, скрепленное пролитой кровью в борьбе против общего врага.

Участники митинга выразили сердечную благодарность ленинскому Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, его Политбюро, лично товарищу Леониду Ильичу Брежневу за отеческое внимание и заботу, за высокую оценку вклада рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции Советской Башкирии в разгром немецко-фашистских захватчиков.

Авторы памятника — участник войны, замечательный советский скульптор, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР и премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева академик Л. Е. Кербель и архитектор Г. Г. Лебедев. В его сооружение большой труд вложили уфимские строители, среди которых немало фронтовиков, воины Уфимского гарнизона, комсомольцы.

Разрезается красная лента. Спадает покрывало. Перед взорами собравшихся во всем величии открывается двадцатипятиметровый обелиск со скульптурными портретами героев, совершивших бессмертные подвиги. У подножия обелиска — символическая фигура солдата, грудью защитившего Родину.

На красном граните основания памятника высечены слова «Бессмертному подвигу Александра Матросова и Миннигали Губайдуллина».

Этот величественный памятник, вставший на прибельской круче, будет вдохновлять все новые и новые поколения на борьбу во славу любимой Родины, во имя торжества идеалов коммунизма.

СЕЛО, ГДЕ ОН ВЫРОС

Погожим летним днем село Уршакбаш-Карамалы Миякинского района принимало дорогих гостей. Они приехали сюда с Украины, с далекой Херсонщины. Из тех мест, где совершил свой подвиг Миннигали Губайдуллин. Приехали, чтобы ближе узнать родину и земляков героя, послушать их рассказы о нем.

Они ходили по местам, которые любил юный Миннигали, где бегал босоногим мальчишкой. Побывали в школе, где он учился. Снова и снова беседовали с теми, кто помнил Губайдуллина. Расспрашивали о том, каким он был, как рос, чем увлекался.

Малейшая деталь, любая подробность, касающиеся героя, живо интересовали украинских друзей. Потому что он был им очень дорог, этот человек, дорого все, связанное с памятью о нем.

Село Уршакбаш-Карамалы не маленькое и не слишком большое: около трехсот дворов. Примерно такое же, как Дудчаны, откуда приехали гости. Расположено у подножия невысоких гор — отрогов Урала. Протекает через него небольшая, но своя нравная речка, не замерзающая зимой.

Сто пятьдесят воинов дало фронту это село. Они неплохо воевали — уршакбашкарамалинцы. Многие награждены боевыми орденами и медалями. Девяносто три из ста пятидесяти погибли, защищая отчизну. Среди не вернувшихся в родное село и гвардии лейтенант Герой Советского Союза Миннигали Хабибуллович Губайдуллин.

Солдатами не рождаются — ими становятся, когда этого потребует от своих сынов отчизна. У ге-

роя вся предшествующая подвигу жизнь — есть подготовка к нему. И чтобы понять истоки подвига, характер героя, надо окинуть мысленным взором его детство и юность, время, в которое он рос, среду, которой дышал.

Он родился 8 марта 1921 года. Миннигали был вторым ребенком в семье Губайдуллиных. Первый из них — сын Тимергали был на четыре года старше брата.

На нелегкое время пришлось их детство. Только что отгремела гражданская война, которая опалила своим дыханием и их родные места. Молодая республика Советов восстанавливала разрушенное хозяйство. Затем началось строительство предприятий тяжелой индустрии. Стране, ее растущему рабочему классу требовалось все больше хлеба. Едиличные хозяйства деревни уже не могли обеспечить этих потребностей. Путь к высокомеханизированному сельскому хозяйству лежал через коллективизацию.

Их родители — Хабибулла Губаидуллович и Малика Загидулловна одними из первых вступили в только что организованный в их селе колхоз.

Коллективизация проходила на глазах школьника Миннигали. А о гражданской войне ему с братом рассказывал отец. Запал ему в душу рассказ о том, как недалеко от села, где-то в овраге урочища Карагайлы прятали свое оружие разбитые Красной Армией отступавшие отряды белогвардейцев, надеявшихся впоследствии вернуться и воспользоваться им.

Найти, во что бы то ни стало найти это оружие — стало с тех пор неотвязной идеей Миннигали. Он увлек ею своих одноклассников. И в дни летних

каникул, вооружившись лопатами, ребята излазили вдоль и поперек тот овраг. Склада оружия им обнаружить тогда не удалось. Однако молва все-таки не зря связывала овраг с событиями гражданской войны. Потому что Миннигали с товарищами однажды нашел в нем старую пулеметную ленту и проржавевший ствол винтовки. К этому стволу Миннигали выстрогал ложе и приклад. Получилось нечто похожее на ружье. Вместе с пулеметной лентой оно пригодилось ему в военных играх «в Чапая», которыми увлекались в те годы, наверное, все без исключения мальчишки.

Растет человек, до поры до времени мало чем отличаясь от окружающих. Ходит, как все, в школу, играет со сверстниками в разные игры, помогает взрослым, в чем-то может быть превосходя ровесников, а в чем-то и уступая им. И вдруг через какое-то время, вдали от родных мест, этот человек совершает что-то выдающееся.

Многое может рассказать село о своем уроженце. В Уршакбаш-Карамалах хорошо помнят Миннигали. Помнят мальчишкой-подростком, помнят юношей. Живут и рассказывают о нем его ровесники-одноклассники и люди постарше. Из этих коллективных воспоминаний встает привлекательный образ сельского паренька с богато одаренной, тонкой натурой. Он взбирался со сверстниками на подступившие к селу горы, чтобы заглянуть дальше за горизонт. В дни жатвы юный Миннигали жил одними заботами со взрослыми: находилось ему дело и в поле, и на току. Он умел чувствовать радость труда, красоту природы, наслаждение дружбой. И все это пытался выразить в слове, в песне

— сочинял стихи, подбирал к ним мелодию, напевал, играя на самодельной мандолине.

В его жизни вроде бы не происходило ничего такого, в чем бы могли проявиться отвага и решительность — отличительные черты характера Губайдуллина-воина. Впрочем, это только на первый взгляд. Мечтательный, поэтичный, деликатный и мягкий по натуре, Миннигали неожиданно удивлял друзей поступками, на которые не всегда бы отважились и самые завзятые деревенские смельчаки.

Стоило взглядеться пристальнее, и в этом задумчивом парне можно было увидеть сосредоточенную работу мысли. Он много читал: на родном языке, и на русском. Из газет ему было известно, что в мире уже пахнет порохом: фашистская Германия напала на Чехословакию, оккупировала Польшу и теперь стояла у западных границ Советского Союза. И на призыв партии — быть всегда начеку, быть всесторонне подготовленным к защите социалистического Отечества комсомолец Губайдуллин отвечал усиленными занятиями физкультурой и спортом, стрельбой из винтовки, метанием учебной гранаты.

Он рано задумывается о своем будущем. Хочет испытать себя в разном деле, повидать свет. Это стремление приводит его в Ашу, на металлургический завод, затем в Баку, на знаменитые нефтяные промыслы. Он еще мало прожил на свете, но уже многое знал и умел, многое успел передумать и перечувствовать — этот двадцатилетний юноша, когда грянула Великая Отечественная война.

В Уршакбаш-Карамалах создан музей отважного воина. Здесь парта, за которой он сидел. Сундук для книг, сделанный руками Миннигали. Рам-

ка, изящно вырезанная им из дерева. Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Миннигали Губайдуллину звания Героя Советского Союза, письмо Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверника его родителям. Его отец и мать не дожили до сегодняшних дней. Отец — Хабибулла Губайдуллович — умер в 1963 году в возрасте 79 лет, ненадолго пережила его Малика Загидулловна, мать героя.

Нельзя без волнения читать фронтовые письма Миннигали — пожелтевшие от времени листочки, испещренные торопливым почерком. Написанные между боями, они ярко характеризуют личность их автора.

«Пишу с берегов украинской Агидели — Днепра, — сообщает он в одном из писем родителям. — Бьем фашистов как надо. Я живой и здоровый, часто думаю о вас, о своем ауле, о родном Урале. Получаете ли вы письма от брата? (Старший брат Губайдуллина — Тимергали — погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками — *примечание автора*). Кто из земляков дома? Передайте привет знакомым девушкам, особенно Зайтуне...»

В другом письме он просит родителей передать привет соседям — Габдрахману, бабусе Газиме и ее сыну Рашиту, семье деда Гималетдина, его сыновьям и дочерям, еще бабушке Фагиме, ее снохе Ханифе, сыну Гибади и дочерям, а также «всем, встретившимся на улице молодым парням». Он спрашивает в письме, все ли односельчане живы, кто еще ушел на фронт, кто вернулся с ранениями. Интересуется, не голодно ли живут родители и другие в деревне, есть ли мука, корова, урожайным ли был год и сколько дали на трудодень. Все они

были ему очень дороги — его односельчане — никого из них не забывал он даже в самые трудные дни военной страды, с думой о них шел в бой. И эта связь с родным домом, это живое чувство Родины придавало ему силы, делало бесстрашным.

Живое чувство Родины, дающее человеку силы для подвига. Когда и как оно рождается, из чего складывается? Наверное, Родина для каждого из нас начинается с его родного села, города, с улицы, где родился и вырос, с людей, которые окружали с детства. Родина начинается с приобщения человека к ее истории, к труду и жизни народа.

И стоит пристальнее взглянуть в этого скромного деревенского паренька, каким был Миннигали в конце тридцатых годов, и в его еще мальчишеском облике можно разглядеть многие черты будущего героя.

Давайте сделаем это.

ЖАРКИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

В этот день он проснулся рано. Отца дома не было — он дежурил в пожарке, мать пошла выгонять скотину, а старший брат Тимергали с вечера остался на колхозном дворе, — надо было подготовить трактор и прицепной комбайн к жатве. Миннигали быстро умылся, обулся, поел молока с хлебом и отправился на колхозный двор. Там уже собрались мужики и женщины, тут же толпились и сверстники Миннигали. Все были радостно возбуждены. Начиналась уборка урожая. Трактор с комбайном уже ушли в поле. Бригадир занимался расстановкой людей: кому метать стог, кому возить

зерно от комбайна, кому работать на току у вялки.

— А тебе, Миннигали, доверим распоряжаться волокушей,— сказал он, когда очередь дошла до Губайдуллина-младшего.— Как, справишься?

— Какой разговор, Гималетдин-агай,— с обидой в голосе ответил Миннигали. Ведь мне уже шестнадцать! Сволакивать солому — дело немудреное.

— Немудреное, но важное,— подчеркнул бригадир.— Волокуша уже в поле, бери у конюха лошадь, сбрую и отправляйся.

День выдался жарким. Солнце рано высушило росу. К полудню работа была в самом разгаре. Хлеб уродился добрый и стоял стеной. Бункер комбайна наполнялся быстро. И соломы тоже получалось много. Миннигали одну за другой сволакивал копны к тому месту, где был заложен и быстро поднимался вверх стог. Наверху орудовал вилами, укладывал солому сухонький, но жилистый старик Габдулрахим Кучербаев, которого все звали просто дедом Рахимом. Миннигали любовался, глядя на его ловкие движения. И откуда бралась сила у этого деда: несколько парней едва успевали кидать ему наверх навильник за навильником, а тот, быстро подправив и прихлопнув очередную порцию соломы, бодро командовал вниз, куда подавать следующую. При этом дед Рахим не упускал из виду и Миннигали с его волокушей: стоило ему замешкаться у какой-нибудь копны, как до него доносился со стога тонкий голосок:

— Эй, парень, работу нам давай, без соломы сидим.

Не видно было сверху деду Рахиму, что если

и медлил порой Миннигали, то только потому, что хотел сразу побольше захватить своей волокушей соломы да так, чтобы нисколько не растерять ее по пути к стогу. Миннигали не замечал усталости, из всех сил старался. И на покрикивания деда Рахима не обижался, добродушие старика было всем известно. Напротив, считал так: раз такой уважаемый человек его поторапливает, значит, не отделяет его от взрослых, относится к нему как к равному.

А потом и сам дед Рахим убедился, что Миннигали зря времени не теряет. Вскоре он подгрудил столько соломы, что стогометальщики замахали на него руками:

— Хватит, хватит пока, Миннигали. Видишь, нам уже не докинуть до деда Рахима. Сейчас начнем закладывать новый стог. Вот здесь вот, рядом, сюда подгружай.

К вечеру был сметан еще один стог. Все порядком устали и присели отдохнуть. Подошел к отдыхающим и Миннигали. Он бы мог работать еще, но уже и соломы на поле не осталось, да и трактор с комбайном остановились — то ли горючее кончилось у них, то ли еще что-то случилось. Видимо, и те, что присели под стогом, не очень-то устали, потому что уже раздавались чьи-то шутки, покрываемые раскатами дружного смеха.

— А ну, парни, давайте наверх! — скомандовал вдруг дед Рахим. — Вам все равно, где дурачиться. А наверху поможете мне солому притоптать и утрамбовать, чтобы стог плотнее был.

Парни с гиканьем стали карабкаться наверх. Кое-кто, не добравшись до цели, скатывался с хохотом обратно и снова устремлялся наверх, пыта-

ясь забраться с помощью воткнутых в стог вил. Глядя на это, Миннигали придумал другое.

— Эй, Рашит!— крикнул он одному из парней. — Встань лицом к стогу и раскинь руки.

Разбежавшись, Миннигали легко вскочил на плечи высокому Рашиту, а затем в одно мгновение оказался на вершине стога. Отсюда он протянул черенок вил товарищу, и тот тоже легко взобрался наверх.

— Ловко ты придумал, Миннигали!— сказал Рашит, отдышавшись.— У следующего стога ты встанешь, а я по тебе залезу.

— А на тот стог мы прямо отсюда перепрыгнем,— ответил ему Миннигали.

— Как это?— не понял Рашит.— Ведь до него не метр, не два...

— А так,— разбежимся и перемахнем,— загадочно улыбнулся Миннигали, поглядывая на прислоненные с другой стороны стога длинные жерди.

Миннигали по тону Рашита понял, что тот не верит в успешный прыжок. Конечно, до соседнего стога не допрыгнешь, если прыгать обычным способом. Но ведь он кое-что придумал. Вот кончат они утаптывать этот стог и тогда...

Через некоторое время дед Рахим уже умерял не на шутку разгулявшуюся прыть парней, весело и дружно приминавших солому кто как мог: ногами, руками, наваливаясь всем телом, падая с разбега.

— Хватит, ребята, молодцы, постарались. Теперь давайте на тот стог.

Парни скатились на землю и побежали к другому стогу. Наверху остались лишь Рашит и Миннигали.

— А вы чего?— спросил их снизу неугомонный дед.— Устали, что ли?

— Нет, Рахим-бабай, не устали,— ответил Миннигали.— И на тот стог мы не опоздаем.

С этими словами он подошел к стоявшим жердям, вытянул ту, которая была подлиннее, внимательно осмотрел, примерился.

Миннигали отошел к дальнему краю стога, чтобы можно было как следует разбежаться. Повернулся, слегка вытянул перед собой шест, держа правой рукой за конец и перехватив жердь левой на уровне груди.

— Ты что это задумал?— не понял его замысла дед Рахим. Все, кто был внизу, тоже с недоумением смотрели на него.

— Прыгать он хочет,— ответил за товарища Рашит.— Разве не видите?

— Смотри, не сверни шею, Миннигали!— крикнул кто-то снизу.

Миннигали разбежался, ткнул вытянутый далеко вперед конец шеста в землю, мгновенно уперся, оттолкнулся от края стога, подтянулся, взвившись, и полетел по воздуху. Шест поднял его легкое тело над землей и по инерции перенес на соседний стог. Это получилось так быстро и ловко, что со стороны показалось очень простым делом.

— Ну, как, Рашит?— крикнул Миннигали товарищу, раззадоривая его.— Может, повторить прыжок? Или теперь ты попробуешь? Если хочешь — возьми мой шест.

И он перебросил свою жердь обратно. Теперь все смотрели на Рашита. И тому уже некуда было отступать. Он взял шест, примерился так же, как Миннигали, разбежался, прыгнул. Но во всех его

движениях все же заметно чувствовалась нерешительность, и поэтому толчок получился не тот, что нужно. Да и направление Рашит не выдержал нужное, стал падать вместе с шестом, не долетев до цели,—рядом со стогом, лишь слегка коснувшись его, скользнув по краю. Но и это смягчило удар. Он почти не ушибся и через секунду вместе со всеми уже весело смеялся над своей неудачей.

Когда работа была закончена, Миннигали и Рашиту поручили отогнать выпряженных лошадей к табуну, что пасся неподалеку в Сухом Логу. Здесь, у табуна, Рашит вдруг предложил:

— А ну-ка, Миннигали, попробуем оседлать вон тех гнедых коней.

— Да ведь это молодняк необъезженный. Так ведь, Гибади?—обратился Миннигали к парню, пасшему коней.

— Верно, этих двух еще не объезжали,—ответил тот.—Хотя уже пора.

— Вот и хорошо,—заявил Рашит.—Мы и начнем приучать их повиноваться человеку. Которого из них выбираешь, Миннигали?

Миннигали знал, что Рашит был отчаянным наездником. Может быть, сейчас он хотел загладить перед товарищем впечатление от своего неудачного прыжка? И даже в прямом смысле обскакать друга...

— Если Гибади не возражает против этого дела, то мне все равно, какой конь,—сказал он.—Начинай ты, с какого хочешь.

Рашит стал осторожно подбираться к пасущимся коням. Те забеспокоились, тонко заржали, почувствовав чужого человека. А Рашит ласково ворковал им что-то, успокаивая, и подвигался все

ближе и ближе. И вдруг, метнувшись звериным прыжком, повис на шее одного из коней. Тот захрапел, вздыбился, но Рашит уже был у него на спине и сжимал ногами бока. Коню это было, видимо, так непривычно, что сначала он растерялся, а потом, выметнувшись из табуна, понес нежеланного седока. Миннигали невольно залюбовался удалью товарища, понимая, что теперь уже никакие взбрыкивания и шараханья диковатого коня не избавят его от всадника, пока тот сам не захочет сойти на землю!

— Молодец, Рашит!— крикнул он удаляющемуся всаднику.— Хватит, освобождай коня, а то унесет тебя черт знает куда...

Рашит ловко спрыгнул с коня и побежал рядом, слегка похлопывая его ладонью по крупу и заворачивая к табуну.

— У меня так, наверное, не получится,— сказал Миннигали, не равнявший себя в этом деле с Рашитом. Но тем не менее твердо решил последовать его примеру. Поэтому он так же, как и Рашит, бесстрашно вошел в табун, примеряясь ко второму гнедку. Тот ударил копытом о землю, будто размышляя, зачем к нему приближается человек, поворачивал голову, смотрел на Миннигали. Видимо, он был доверчив, этот молодой коняка, а может быть, и любопытен. Потому что он позволил подойти к себе вплотную. Миннигали в одно мгновение вскочил на коня, вцепился обеими руками в гриву. Тот стал взбрыкиваться. Подкидывал зад, вставал на дыбы. Миннигали удержался. Но когда конь понес не разбирая дороги, он понял, что долго так не удержаться. Однако спрыгнуть, как Рашит, ему вряд ли удастся. Значит, надо

просто скатиться с коня, пока он не запарился сам и не унес его слишком далеко.

Он нисколько не ушибся от падения, нет. Но зато во время скачки Миннигали испытал такое же острое чувство, как и в момент прыжка со стога на стог: риск, преодоление страха и приходящее вслед за этим ощущение своей силы, желание испытать себя еще и еще, в чем-то более трудном, чтобы знать свои возможности, закалить характер. И вот он уже ставит себе целью стать таким же искусным наездником, как Рашит. А потом спортивными занятиями и тренировками он приучит свой организм быть сильным и послушным, переносить нагрузки и лишения. Он готовил себя ко всяким неожиданностям в жизни.

У РЕКИ

Долог летний день. Успеешь наработаться, устать, отдохнуть и снова устать. Деревенские парни и девушки в минуты передышки любили собираться у реки. Усталость здесь как рукой снимало. Начинались игры, забавы, розыгрыши — кто во что горазд.

Многие были большими специалистами проказничать на воде. Такие старались нырнуть поглубже, изменить под водой направление, проплыть как можно дальше и вынырнуть там, где его совсем не ждали. И при этом постараться скользнуть рукой под водой по чьей-нибудь ноге, заставить человека охнуть от неожиданности. Миннигали заранее разгадывал эти трюки и старался первым под-

нырнуть под очередного проказника и схватить его под водой.

После купания все разбрелись по лугу, который знойно дышал запахом мяты и полыни. Многие потянулись в тень ближнего леса. Откуда-то доносились крики чибисов, писк встревоженных полевых, свист сусликов. Девушки собирали цветы. Они сплетали венки и, надев их на голову, становились похожими на сказочных принцесс.

Вдруг в воздухе разлилась соловьиная трель. Парни и девушки невольно заслушались многоколенчатым соловьиным пересвистом. Потом он прервался, и в тишине послышалось кукованье кукушки. Кто-то начал считать, сколько лет напророчит ему лесная вещунья. И только Рашит не выдержал, рассмеялся. Он-то знал, чьи это проделки:

— Хватит, Миннигали, дурачить людей, выходи.

Парни и девушки в недоумении переглянулись. А из-за ближайшего куста поднялся Миннигали, продолжая свистеть соловьем и выводя замысловатые коленца.

— Вот удивил!— сказала одна из девушек — шестнадцатилетняя Зайтуна.— А может, ты еще на что способен, Миннигали?

В ее словах вроде бы не было ничего особенного. Но он уловил в интонации девушки легкую иронию.

«Ах, Зайтуна, Зайтуна! Мало того, что природа наделила тебя такой красотой — тонким гибким станом, огромными бездонными глазами, пышной косой — ты еще и на язык остра. Многие парни немели под твоим насмешливым взглядом. Многие

вздыхали по тебе тайно, не решаясь заговорить о своих чувствах.

Но Миннигали не из таких. Он не станет скрывать своих чувств, не будет удерживать рвущиеся из груди слова. Он готов говорить с ней и о ней стихами. Ему вспомнились строчки Мажита Гафури:

Пламень радостный и властный
У красавицы в очах,
А черты ее прекрасны,
Словно месяц в небесах!
Нежен рот ее прелестный,
С чем бы мне сравнить его?
Звонок смех ее чудесный,
В нем таится волшебство!
Смоляные косы туги,
Словно кисть писала их,
А бровей собольих дуги
Выше всех похвал моих!

Но ему все не представлялось повода прочитать ей что-нибудь подобное, чтобы она догадалась сама об остальном. Вот и сейчас эта красавица ждала от него не стихов, а ответа на свой вопрос. Ждали, что он скажет, и другие девушки и парни. И Миннигали ответил с соответствующей интонацией:

— На что способен, спрашиваешь? Ну, конечно же, на все, что хочешь...

— Вот как?— деланно изумилась Зайтуна.— В таком случае...

Она задумалась, размышляя, что бы такое заставить Миннигали сделать. И вдруг улыбнулась, придумав:

— Знаешь что? Поймай суслика.

Все вокруг расхохотались. Задание Зайтуны

было и шутливое, и в то же время не такое уж легкое. Мол, посмотрим, как справится с ним Миннигали.

— Суслика?— переспросил он.— Ну что ж, будет тебе суслик.

Он повернулся и пошел в сторону хлебного поля. Там у дороги было немало суслиных нор. Нередко можно было увидеть, как какой-нибудь из этих прожорливых и запасливых грызунов стоял на задних лапах столбиком, озираясь вокруг. Завидев опасность, зверек скрывался в норе, пережидая, пока она минует.

Проследив, куда шмыгнуло серо-рыжее существо, стоявшее до этого столбиком у дороги, Миннигали тихо пробрался к его жилищу, залег у норы и вытянул к ней руку, охватив пальцами отверстие в земле. Стоит теперь суслику высунуться, и пальцы сомкнутся у него на шее.

Ему приходилось ловить сусликов. Вместе со сверстниками он ставил на них силки. Иногда деревенские ребята выживали грызунов из нор, выливая туда ведро-другое воды.

Взять же суслика голыми руками удавалось далеко не каждому. Тут нужна была особая сноровка. У Миннигали это однажды получилось. Правда, суслик тогда изрядно поцарапал ему руку. Но эти царапины послужили ему доказательством перед товарищами, каким способом завладел он добычей.

Лежа на солнцепеке, Миннигали размышлял о том, как он явится к Зайтуне и протянет ей живого зверька. Интересно, что она будет с ним делать? Может, выпустит его опять на волю — не держать же его в клетке. А может, захочет приручить его.

Поддаются ли суслики приручению? Впрочем, Зайтуна может и вовсе не взять у него суслика. Ведь тот царапается. Ей, конечно, не нужен никакой суслик. Просто его ровесница решила посмеяться над ним. Ну что же! Посмотрим еще, кто над кем.

Размышления Миннигали прервал свист, раздавшийся у норы. Он не сразу и заметил, как суслик, высунувшись из подземелья, вертит головкой из стороны в сторону. Зверек, видимо, тоже не сразу учуял неладное. Но вот их взгляды встретились. Суслик на мгновение оцепенел. Миннигали ничего не стоило ухватить его, сжав пальцы над норкой. Но он тоже был в каком-то оцепенении, не в силах оторвать взгляда от гладкой головки грызуна, от его круглых желтых глаз, расширенных страхом. Они не дыша смотрели друг на друга. Это длилось несколько мгновений. Суслик наконец что-то собрал, и его головка скрылась в норе, откуда затем раздался тревожный свист.

А Миннигали еще некоторое время продолжал лежать у норы. Затем встал, отряхнулся и пошел в сторону колхозного тока. Зайтуна не дожидается его с добычей, и у нее будет повод для насмешек. Что ж, пускай! Досады от неудачи Миннигали почему-то не испытывал. Неосторожность маленького живого существа, замешательство и страх, застывшие в его взгляде, вызвали в душе парня чувство жалости. И он даже был рад, что не поймал зверька. Вот только Зайтуна...

Она догнала его уже около самого тока. Миннигали приготовился выслушать ее насмешливые вопросы. Но, встретившись с ее взглядом, он не уло-

вил в нем ни малейшей искры иронии. Напротив, в нем была озабоченность.

— Ты не обиделся на меня, Миннигали?— спросила Зайтуна.

— Что ты? За что же на тебя обижаться?

— Ну, за эту глупую затею с сусликом.

— Почему же глупую? Просто я не смог выполнить твоего задания. Засмотрелись мы с сусликом друг на друга. Словом, познакомились и разошлись каждый по своим делам.

— Вот как?— рассмеялась Зайтуна.— Интересно...

Миннигали от этих слов девушки почувствовал себя вдруг легко-легко. Нет, совсем другая была сейчас Зайтуна. Его снова потянуло на стихи. На этот раз он не удержался и прочел ей вслух те самые строки.

— Чьи это стихи?— спросила она его.

— Мажита Гафури.

— Прочти еще.

И он снова читал ей:

Растерянный лепет, бессвязная речь...
Я мысли не в силах от милой отвлечь.
С нее не сводя очарованных глаз,
Немало твержу я бессмысленных фраз.
Она мои чувства прочтет наугад,
Ей правду подскажут улыбка и взгляд.
Она — как цветок в предрассветном саду,
И взор ее нежный похож на звезду.
Мне в сердце проник удивительный свет,
От этого света спасения нет...

Зайтуна долго молчала. Потом взяла его за руку, чуть сжала ладонь.

— Спасибо, Миннигали.

Ему стало трудно дышать. Догадалась ли Зайтуна о его чувствах?

— Сколько ты знаешь хороших стихов...

Да, стихов он знал много. Он читал их запоем, они легко западали ему в душу. И сейчас он мог читать и читать их Зайтуне. Но ему хотелось, чтобы она почувствовала их душой. И уловила в них биение его собственного сердца. И он решился прочесть ей на родном языке свое заветное:

Где бы я ни был, на любых дорогах,
Ты в моей душе,
Всегда со мной.
В памяти — и ласковый, и строгий,
Светлый и любимый образ твой.
Мне любовь дает надежды, силы.
И вперед она зовет меня.
Все пути мои неугасимо
Освещает полымем огня.
Жди меня, любимая навеки:
Пусть снега метут, идут дожди.
За тебя пройду огни и реки,
Только ты меня, родная, жди.

(Перевод А. Филиппова).

— А это кто написал? — с волнением спросила Зайтуна. Миннигали молчал. Наверное, ни за что на свете не признался бы он, что это его собственные стихи и что посвятил он их ей...

КОМСОМОЛ ТЕБЕ ДОВЕРЯЕТ

С л у ш а л и: Заявление Губайдуллина М. Х. о приеме его членом ВЛКСМ... Образование — 6 классов, соц. происхождение — крестьянин...

П о с т а н о в и л и: Тов. Губайдуллина утвердить членом ВЛКСМ.

Из протокола № 19 заседания членов бюро Миякинского райкома ВЛКСМ от 2 марта 1938 года.

Зима в этот год выдалась снежной и вьюжной. Дорогу между селами то и дело переметало и добраться до райцентра было целой проблемой, хотя расстояние до него от Уршакбаш-Карамалов было всего тридцать километров. Миннигали знал эту дорогу. Не раз приходилось ему ездить в Киргиз-Мияки с отцом или старшим братом. Но теперь поездка предстояла особая. Его вместе с двумя товарищами — Ахияром Салимзяновым и Рашитом Гималетдиновым вызвали на заседание бюро райкома комсомола. Будет рассматриваться их заявление о приеме в члены ВЛКСМ.

Председатель колхоза дал им лошадь. Но Миннигали решил хотя бы часть пути пройти на лыжах.

Они выехали рано утром. Родители вышли их проводить. Отец накинул на Миннигали поверх телогрейки тулуп. А мать позаботилась, чтобы он не забыл надеть теплые носки.

Миннигали ничего не забыл. С вечера он отгладил рубашку и пиджак, поправил крепления на лыжах. Ночью долго не мог заснуть: размышлял о предстоящем событии, волновался. Вступить в комсомол — это значит быть таким, как Павка Корчагин. Он прочел недавно роман Николая Островского, и книга потрясла его. Вот это судьба!

И герой, и автор сливались в его сознании в единый образ — в образ героя нашего времени. Возникло желание хоть в чем-нибудь походить на него. Но где сейчас, в мирное время, можно проявить себя так, как когда-то Павка Корчагин? Что нужно сделать, чтобы соответствовать высокому званию члена Ленинского Коммунистического Союза Молодежи? Ведь об этом могут спросить его на бюро. Что он ответит?

Дорога из села шла на взгорье. Ветер гнал поземку, и она смешивалась с косо летящим снегом. В тулупах было сначала тепло. Но вскоре, особенно на вершинах холмов, ребята почувствовали, как холод начал проникать и сквозь толстую овчину. Они прятали носы от ветра в высокие воротники тулупов. Гнедой меринок с трудом тащил сани по глубокому снегу. Ахияр сидел впереди и держал вожжи.

— Нет, так, пожалуй, далеко не уедешь,— сказал вдруг Миннигали.— Да и холодно сидеть без движения. Останови-ка, Ахияр, на минутку. Облегчу я задачу нашему коню.

Миннигали выпрыгнул из саней, сбросил с себя тулуп и накинул его на ноги Рашита. Затем достал лыжи, палки и стал прилаживать крепления к валенкам. Ахияр и Рашит глядели на товарища, оставшегося в одной телогрейке, и зябко поеживались.

— Трогайте, я вас догоню,— сказал им Миннигали. Вот он закончил возиться с креплениями, нахлобучил на самые брови шапку, надел варежки, взял в руки палки, оперся на них, подпрыгнул раз-другой, шаркнул лыжами взад-вперед, оттолкнулся и заскользил по рыхлому снегу. Он в не-

сколько мгновений догнал подводу с товарищами, обошел ее и стал удаляться вперед.

Скоро по всему его телу разлилось приятное тепло. Ему даже стало жарко. Жаль, что Ахияр и Рашит не на лыжах — вот бы сейчас все трое посоревновались: кто быстрее.

Во многих местах дорога была полностью пересчитана и угадывалась лишь по столбам электролинии, проходящей рядом. Возок с ребятами двигался вслед за лыжней, проложенной Миннигали.

Вдали показалось село — Миякибаш. Оно лежало на полпути к райцентру.

— У меня здесь живет дядя, — сказал Ахияр Рашиту. — Хорошо бы заехать к нему, отдохнуть, обогреться.

— Хорошая идея, — поддержал товарища Рашит. — Надо сказать об этом Миннигали.

— Миннигали, остановись! — закричали друзья в два голоса. Миннигали обернулся, стал ждать. Однако с предложением товарищей он решительно не согласился.

— Мы можем опоздать на бюро, — заявил он. — А если вы замерзли, то предлагаю вам пробежаться впереди или сзади повозки. И коню будет легче, и сами согреетесь.

Ребята не стали спорить с Миннигали. Сначала его совету последовал Рашит, а затем решил немного размяться и Ахияр.

После Миякибаша дорога пошла на подъем. Снова еле заметный старый санный след часто совсем исчезал под толщей снега. И опять ребята угадывали дорогу по опорам электролинии.

В райцентр они прибыли минут за сорок до заседания бюро. Найдя место для лошади, отрях-

нулись и с волнением вошли в здание райкома. Здесь их уже ждали. Им предложили раздеться и присесть у стола, на котором лежали свежие газеты и журналы.

— Вот, почитайте, пока есть время,— сказал им один из работников райкома.— А то спросят вас на бюро о последних событиях в мире, а вы и не знаете.

Когда в руки Миннигали попадал свежий номер газеты или журнала, он прочитывал буквально от первой строки до последней. Все ему было интересно: и международная жизнь, и новости страны, республики, района. Но сейчас, читая газеты, он мыслями был уже там, на бюро. О чем его могут спросить? Если по уставу — то он его знает назубок. Историю комсомола тоже изучил. Знает очередные мероприятия партии в промышленности и в сельском хозяйстве, задачи сельской молодежи.

Ему почему-то казалось, что всего этого мало для вступающего в члены ВЛКСМ. А что он успел сделать сам, чтобы заслужить такую честь?

Первым в кабинет, где шло заседание бюро, вызвали Ахияра. Он еще раз пригладил рукой непокорный чуб и шагнул за дверь.

Он пробыл там довольно долго. Вышел смущенный и сияющий. Товарищи кинулись пожимать Ахияру руку. В кабинет пригласили Губайдуллина.

Миннигали тщательно прикрыл за собой дверь, поздоровался, шагнул к столу, за которым сидели члены бюро, остановился, ожидая вопросов.

— Вот ты каков — Миннигали Хабибуллович Губайдуллин,— сказал секретарь райкома и улыбнулся. Затем он заглянул к себе в бумаги и про-

читал вслух анкетные данные вступающего в комсомол.

Миннигали не успел осознать тот факт, что его впервые в жизни назвали по имени-отчеству. Его сейчас больше волновало другое. Чему это улыбается секретарь и почему он так сказал: вот ты каков...

— Ну, с анкетой у тебя все в порядке и парень ты, по всему видать,— неплохой,— секретарь оторвал взгляд от бумаг и смотрел прямо на него.— Вот и на бюро, говорят, на лыжах пришел.

Миннигали удивился, что секретарю уже известно, как он добрался до райцентра. Кто ему сказал: Ахияр или райкомовские товарищи, видевшие, как он снимал лыжи перед окнами райкома? А может и сам он заметил это из окна своего кабинета...

— Как, не замерз, не устал?— спросил его кто-то из членов бюро.

— Что вы — даже жарко было,— улыбнулся Миннигали.— Да и устать за тридцать километров не успеешь. Если бы наперегонки с кем-нибудь бежать, а то ведь я один был на лыжах-то...

— А что же другие твои товарищи — не решились, как ты, идти на лыжах?— спросил секретарь.

— Может быть, и решились бы, да лыж у них нет...

Секретарь о чем-то задумался.

Миннигали от такого непринужденного разговора сразу стало легче, и он уже без всякого волнения ждал очередных вопросов. Он спокойно и обстоятельно ответил на вопрос, как понимает задачи молодежи в свете речи В. И. Ленина на Третьем съезде комсомола.

А когда его спросили, как сам он участвует в решении практических задач, стоящих перед молодежью деревни, рассказал о своей работе на уборке, о том, как они всем классом помогали колхозу сгребать сено, копать картошку, как ходили по дворам и занимались с пожилыми людьми, не умевшими читать и писать, боролись с безграмотностью.

Потом прошупали, как он ориентируется в международной обстановке. Поинтересовались, как представляет себе Миннигали положение в Испании. Он давно жадно читал в газетах все сообщения о гражданской войне в этой стране, остро переживал неудачи республиканцев, всей душой ненавидел Франко.

Видимо, члены бюро быстро поняли, насколько осведомлен он в этом вопросе, так как секретарь прервал его на полуслове и спросил о положении в Германии. Миннигали рассказал о фашистском режиме Гитлера, о росте вооружения в этой стране, об опасности, исходящей отсюда для мира.

— Ну что ж, товарищи, обратился секретарь к членам бюро.— Какие будут мнения?

— Принять! Принять!— раздалось несколько голосов.

— Я тоже считаю, что Миннигали Губайдуллин достоин высокого звания комсомольца. Парень развит, политически подкован. Голосуем. Единогласно. Поздравляю тебя, Миннигали.

Секретарь крепко пожал ему руку.

— А теперь давай решим вопрос о твоём первом комсомольском поручении. За что бы ты сам хотел взяться?

Миннигали не сразу нашелся, что ответить.

— Готов выполнить любое поручение,— сказал он после небольшой паузы.

— Это хорошо. Комсомол тебе доверяет вóт что. Ты любишь лыжи, правильно? Вот и зарази этой любовью других. Организуй в школе лыжную команду.

Поручение ему понравилось.

— Это можно,— сказал он.— Только вот где достать лыжи?

— Тут райком тебе поможет. В райпотребсоюзе как раз ожидают поступления новой партии лыж. Вот и попросим выделить вам несколько пар.

Домой Миннигали летел, как на крыльях. В ушах звучали слова секретаря: комсомол тебе доверяет. Конечно, он постарается оправдать это доверие и как можно лучше выполнить поручение. Бегать на лыжах у них захотят многие. И Ахияр, и Рашит, и Гимади, и Зайтуна. Только бы были лыжи. Будут лыжи! Ведь секретарь обещал.

И райком комсомола действительно помог с лыжами. Вскоре директор школы вместе с Миннигали поехал в райцентр и привез оттуда семь пар лыж. Кое-кому из ребят родители привезли лыжи из Уфы и Стерлитамака. Набралась целая команда лыжников.

Зима закончилась. Но ребята успели по последнему снегу несколько раз выбраться за село, покататься с гор, совершить пробеги до Миякибаша и обратно. А в следующую зиму Уршакбашкарамалинская школа выставила свою команду на районные лыжные соревнования.

Ребята отправились в райцентр за один день до соревнований. Отправились своим ходом — то есть на лыжах. У всех было одно желание — по-

бедить. Такой настрой сумел создать капитан команды — Миннигали Губайдуллин.

— А почему бы нам не взять главный приз?— убеждал он ребят.— Тренировались мы много. Силы накопили. Нужна только воля к победе, вера в успех.

Соревнования начались забегами девушек. Зайтуна стартовала на три километра.

— Имей в виду, Зайтуна,— сказал ей перед началом гонки Миннигали.— За тебя болеют все парни и девушки села. Так что не подкачай.

Она сверкнула на него своими огромными глазами и промолчала.

И Зайтуна не подкачала, нет. Она заняла на своей дистанции третье место. Что ж, очень хорошо, радовался капитан команды. Если и парни войдут в тройку лучших на своих дистанциях, то они смогут претендовать на первое место в командном зачете.

Хорошо пробежал пятикилометровку Рашит. Он занял второе место. Ахияр и Гибади с двумя девушками участвовали в эстафетном беге и тоже пропустили вперед себя только двоих.

Предстоял старт на самую длинную дистанцию — десять километров. К ней готовил себя Миннигали.

Он ушел со старта во второй десятке. На первом же километре обошел троих. На следующем обогнал еще одного. Когда лыжня пошла на подъем, Миннигали «достал» еще двоих.

Затем на дистанции начался уклон. Пологий, но длинный, он оказался коварным для многих. Некоторые, разогнавшись, в конце спуска не могли справиться со скоростью и падали. Другие, видя

неудачу впереди идущих, притормаживали на спуске, теряя дорогие секунды.

Миннигали развил на уклоне большую скорость и не потерял управления лыжами. Сказались его лихие спуски с Карамалинских гор. Сколько раз съезжал он с самых крутых склонов, падал и взбирался снова, пока не научился удерживаться на ногах при самых больших скоростях. Он заразил тогда своей одержимостью лыжами всех других ребят. Они готовы были гонять на лыжах с гор каждый день, в любую погоду. Зато сейчас приобретенные многими тренировками навыки вселили в него и в остальных его товарищей бесстрашие на спусках, уверенность в удаче.

Он стремился сохранить скорость и потом, когда спуск остался позади, и лыжня пошла по равнине. Было нелегко. Но Миннигали знал, что усилением воли надо преодолеть этот момент, и тогда у спортсмена появятся новые силы, придет как бы второе дыхание. И вот такой момент наступил. Миннигали почувствовал прилив новых сил, лыжи его снова заскользили легко, накатисто. Далеко впереди замаячил финиш. Он окинул взором оставшуюся дистанцию и увидел, что впереди него идут только трое, причем не так уж далеко.

— Обойти,— мелькнула мысль.— Обойти и этих. И тогда он финиширует первым! Он еще прибавил шаг, больше силы стал вкладывать в толчок палками.

— Лыжню!— крикнул он впереди идущему.

Теперь впереди него оставалось только двое. Между ними тоже шла борьба. Миннигали заметил, как второй отчаянно пытается настичь первого. Но чувствовалось, что силы обоих на исходе, и

каждый из них шел на пределе своих возможностей. Он тоже, конечно, устал. Но где-то внутри себя ощущал еще нетронутый, нерастраченный резерв. Надо только собрать в кулак всю волю и заставить себя сделать последний рывок.

И он нашел в себе силы для этого последнего рывка. Последние десятки метров он бежал под громкие ободряющие крики болельщиков. Он не слышал эти крики. Не видел и самих болельщиков. Его взор и слух, все его мысли были устремлены туда, к финишной черте. И он пересек ее первым! И только тогда его оглушил восторженный крик толпы:

— Молодец, Губайдуллин! Качать его!

Своей победой на десятикилометровке Минни-гали принес команде наибольшее число очков. Теперь стало ясно, что общее первое место — за уршакбашкарамалинцами.

Они возвращались домой героями. Бережно, как святыню, везли с собой награду — бронзовый бюст Ильича. В школе, где его поставили, в тот день перебивало все село.

Первое поручение комсомола было выполнено.

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Родная милая деревня...
Здесь вырос я и возмужал,
Весною лазил по деревьям,
В лапту с мальчишками играл.

Удил я рыбу в речке нашей,
Зеркальную тревожа гладь.
Зимою мы вдвоем с Акбашем
Любили зайцев здесь гонять.

Когда в черемуховой пене
Струился тихий Уршакбаш,
Любил я слушать птичье пенье —
Лихой оркестр сельский наш.

Любил за ягодами летом
Ходить в далекие лога,
А в сенокосные рассветы —
Метать под облако стога.

Пройду я сотни километров;
В любом конце моей страны
Мне поспешат на помощь ветры,
Что дуют с нашей стороны.

(Перевод А. Филиппова).

Эти стихи Миннигали написал вдали от дома. Как это всегда бывает, на расстоянии от родных мест острее чувствуешь их красоту, пронзительную близость каждой травинки, по которой ступала твоя босая нога, каждого дерева, которое привык видеть рядом со своим селом и в буйном цветении весны, и в золотом багрянце осени. Он вспоминал родные места и твердил эти свои строки, когда жил и работал в Баку, когда учился на офицерских курсах в Степанакерте.

Война застала его в Баку. Миннигали сразу же пошел в военкомат и убедился, что в своем желании немедленно поехать на фронт он далеко не одинок. Сотни таких же парней, как он, и люди более старшего возраста толпились во дворе военкомата, дожидаясь своей очереди. Когда очередь дошла до него, и офицер с двумя ромбами в петлицах просмотрел его документы, он был уверен, что больше, чем кто-либо, подходит для передовой: молод, здоров, кому же, как не ему, ехать воевать,

бить фашистов. Он попытался было высказать эту мысль вслух, но офицер устало взглянул на него и коротким жестом оборвал его на полуслове.

— Успеешь на фронт, товарищ Губайдуллин. Сейчас мы пошлем тебя в военное училище. Твое образование позволяет тебе пройти ускоренные офицерские курсы. Как думаешь, офицеры меньше нужны фронту? Не меньше, говоришь? Ну, вот и договорились...

Училище готовило командиров пулеметных взводов. Миннигали быстро освоил «максим». Научился вести и фланкирующий пулеметный огонь, и короткими прицельными очередями.

Со стороны посмотришь — вроде бы простое дело: вставил ленту, закрепил маховичок вертикальной наводки, взялся за рукоятки и строчи себе, пока есть патроны. Но это не так. Руки надо все время держать на весу и не ослаблять при этом хватку. Пулемет, что иоровистый конь, — его надо держать, не повисая на рукоятках, не то прицельности не жди. Пулемет, как и конь, может быть капризным: чуть что не так — перекос ленты, вода закипела в кожухе или другая задержка и все, откажет в самый ответственный момент боя. Поэтому норов «максима» надо изучить досконально, сразу понял Миннигали. Чтобы потом в бою он тебя не подвел. И чтобы потом ты, как командир, сам мог бойцов своих научить добиваться от «максима» такого же безотказного послушания, безотказной стрельбы.

А радио приносило все новые известия, одно тревожнее другого. Враг захватил советскую Прибалтику, Белоруссию, большую часть Украины. Сдан Киев. Фашисты на пороге Ленинграда, на

подступах к Москве. Щемило сердце от горечи и боли. Курсанты рвались в бой, торопились защитить Россию, которая сжималась и сжималась от наседавшего врага.

И вот первая наша победа под Москвой. В училище все облегченно вздохнули. Занятия продолжались своей чередой.

Наконец наступил день, когда им зачитали приказ о присвоении звания лейтенанта, вручили офицерские жетоны и повезли на фронт. Ехали сначала на машинах, потом на поезде. Мимо окон вагонов поезда проносились искры, вылетающие из трубы паровоза. Стучали на стыках рельсов неугомонные и неутомимые колеса, исступленно скрежетали и лязгали буфера.

А мысли невольно возвращали Миннигали в родные места. Доведется ли снова увидеть ему Карамалинские горы, Уршакбаш, родное село? На память снова пришли свои же стихи. До чего же неотвязчивы эти строчки...

Потом поезд остановился. Дальше начался пеший поход к фронту. Шли ночами, а на рассвете располагались в каком-нибудь населенном пункте, чтобы разведывательные самолеты врага не смогли обнаружить их продвижение. Идти было нелегко. Новоиспеченные офицеры, у которых еще не было своих взводов, несли кроме вещмешков за спиной со сменой белья, сухим пайком, котелком и прочей амуницией, еще и коробки с пулеметными лентами.

Ночи были короткими. Июньские ночи сорок второго. Впереди полыхало зарево. Большое огненное зарево войны. Иногда был слышен отзвук канонады. Линия фронта приближалась.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Он начался для него неожиданно, как, впрочем, наверное, и для других. На рассвете возле села их колонна наткнулась на немцев. Раздалась команда залечь. Со стороны противника взвились ракеты... Стало светло, как днем. Заговорили пулеметы и автоматы, с воем пролетали и разрывались где-то в стороне мины.

Миннигали кинулся к пулемету. Удобно пристроив его на краю воронки, вставил ленту и в прорезь щита стал обозревать передний край противника. По направлению трассирующих пуль он понял, что вражеский пулемет бьет с темнеющего впереди холма. Присмотревшись, Миннигали отчетливо увидел огневую позицию. Прикинув мысленно расстояние до нее, поставил прицел и дал очередь. Потом для верности еще одну. Этот пулемет замолчал. Но тут «заговорил» второй. Обнаружив вторую позицию, Миннигали послал очередь и туда.

Но его тоже обнаружили. Свинцовые струи, заывая на разные голоса, текут над самой его головой; разрывные пули, как орехи, щелкают о бронированный щит. А он с прорезью — того и гляди...

К Миннигали подполз боец и прохрипел:

— Смотри, справа...

Он глянул туда и увидел движущиеся перебежками темные фигурки. Пробегут, пригибаясь, метров пять и залягут, пробегут и снова залягут.

Замысел фашистов разгадать было несложно. Они явно хотели обойти колонну с фланга и ударить по ней с тыла.

— Ленту подавай,— крикнул Миннигали так

кстати оказавшемуся с ним рядом бойцу. Теперь у них настоящий расчет. Они перетаскивали пулемет на более удобную для стрельбы позицию, он поставил новый прицел и стал ждать, когда темные фигурки снова поднимутся в рост для следующего броска. Гитлеровцы, видимо, ободренные тем, что им удалось без потерь совершить несколько перебежек, с каждым разом поднимались все дружнее и все удлиняли свои броски.

— Давай, чего же ты,— снова прохрипел боец, заправивший новую ленту.

— Подожди, пусть подойдут поближе. Откроем фланкирующий с самой близкой дистанции.

И вот, когда фашисты плотной цепью пошли уже в полный рост, вполне уверенные в том, что стали недостижимыми для огня русских, застучал «максим» Миннигали. Цепь сразу поредела. Падают, падают фашисты!

Тра-та-та-та! «Максим» не отказал ни разу. Ни разу не подвел. Но тут закипела вода в кожухе, из пароотводной трубки начал хлестать пар. Обжигая пальцы, Миннигали с трудом отвернул пробку и выпустил из кожуха кипяток. Стрелять больше было нельзя. Воды! Но где ее взять?

И тут сыпанули очередями еще три наших пулемета. А потом донеслось могучее «ура». Повернув голову, Миннигали увидел: их залегшая колонна, почувствовав, что враг на какое-то мгновение растерялся, устремилась вперед, поднятая в атаку командирами батальонов. Поднялся и побежал вместе со всеми и он, таща с бойцом за собой верного «максима».

И уже потом, когда бой затих, и немцы были

выбиты из села, Миннигали понял, что его первое боевое крещение состоялось.

Потом было много боев: и в наступлении, и в отступлении—Северо-Кавказский фронт, маленькой частичкой которого являлся его взвод, принимал на себя удары отборных войск гитлеровской Германии, рвущихся на Кавказ, к бакинской нефти. Фронт, а значит, и его взвод в том числе, сделал все, чтобы сорвать замыслы врага. Было много боев, не каждый из них оставался в памяти. Но тот, первый, запомнился Миннигали. Может быть, потому, что это было начало его боевой биографии. И начало удачное. А ведь недаром говорится, что хорошее начало — половина дела.

ДАЕШЬ МЕЛИТОПОЛЬ!

После того, как командир батальона гвардии майор Поляков побывал в каждом из взводов, он вызвал к себе Губайдуллина. По пути в командирскую землянку Миннигали гадал: что бы мог означать этот вызов. Со взводом он все положенные занятия провел, окопы у них отрыты по полному профилю, пулеметы расставлены умело. Враг не застанет их врасплох: все пространство перед окопами у них простреливается. А может, назревают какие-нибудь важные события? Ведь давно поговаривают о готовящемся наступлении. И не зря зачастили к ним высокие командиры.

— Товарищ гвардии майор, по Вашему приказанию...

— Вольно. Садись, товарищ гвардии лейтенант. Разговор есть к тебе.

Поляков достал планшетку, вынул и разложил на столе карту.

— Предстоит серьезная операция. Ее конечная цель — взятие Мелитополя. Нашему батальону отведена следующая полоса действий.

Карандаш комбата очертил полосу наступления батальона.

— Ваша рота выдвигается вот сюда,— карандаш Полякова ткнулся впереди позиций и прочертил небольшую выгнутую линию.

— А твой взвод выдвигается еще дальше, по сути дела впереди всего батальона. Вы первыми должны преодолеть проволочные заграждения противника и обеспечить успех атаки. Ребята у тебя опытные, поэтому выбор остановили на твоём взводе. Придадим тебе отделение пэтэровцев. На случай, если танки...

— Благодарю за доверие, товарищ комбат. Постараемся оправдать.

— Не сомневаюсь. Только давай вместе подумаем, как лучше вам действовать...

Да, все стоило крепко обдумать. Гитлеровцы создали у Мелитополя прочную оборону, стремясь любой ценой задержать здесь Советскую Армию, не пропустить ее к Днепру. Перед городом высились мощные доты и дзоты, их опоясывали четыре линии проволочных заграждений с пропущенным по ним электротоком. Перед проволочными заграждениями минные поля. Землянки фашистов имели 7—8 накатов, глубоко в земле были открыты склады, оружейные мастерские.

— Не взять русским таких укреплений,— заявляло во всеуслышание гитлеровское командование.

Но гвардейцы шаг за шагом ввинчивались в

оборону противника. Хорошо поработала наша артиллерия. Когда наступил условленный час, двинулись вперед пулеметчики лейтенанта Губайдуллина, своим огнем расчищая путь нашей пехоте.

Юркий, подвижный Миннигали успевал всюду: давал указания, подбадривал солдат, иной раз сам ложился за пулемет, щит которого был весь во вмятинах от вражеских пуль, осколков мин и снарядов.

Преодолен широкий ров. Губайдуллин и его солдаты уперлись в проволочные заграждения. Как быть? Ножницы они раздобыли только одни, много ими не нарежешь. Голыми руками проволоку не порвешь. Миннигали быстро находит выход. Сняв с себя шинель, он прижал ею нижний ряд проволок. В образовавшийся проход пролезли два пулеметчика. Примеру командира последовали остальные.

Фашисты поднялись в контратаку. Но тут хлестко ударили по ним скрытно выдвинувшиеся вперед пулеметчики Губайдуллина. Били перекрестным кинжальным огнем. К пулеметам нельзя было прикоснуться — раскалились докрасна. Воины часто меняли стволы, то и дело подносили новые коробки с лентами.

После того, как контратака гитлеровцев была отбита, Губайдуллин приказал взводу продвинуться еще дальше вперед и занять удобные позиции. Но противник быстро опомнился. Поняв, что перед ним лишь малочисленная горстка смельчаков, гитлеровцы решили смять их. На их позиции двинулись танки. Полдюжины танков. Прячась за броней машин, шла пехота.

— Отсекай пехоту от танков,— приказал Губай-

дуллин пулеметчикам.— А как те подойдут ближе — залп из противотанковых ружей.

Снова часто-часто заговорили пулеметы. Залегли фашисты, огнем огрызаются. Одна из пуль обожгла Губайдуллину левую руку.

— Вы ранены, товарищ лейтенант?— кинулся к нему красноармеец Федоров.

— Ничего, ничего,— успокоил его Миннигали.— Кажется, задела только по касательной. Видишь, и суставы действуют, и кость вроде цела.

— Давайте перевяжу, товарищ лейтенант.

— Потом, потом.

И, повернувшись к пэтэеровцам, скомандовал:

— По танкам — огонь! Еще — огонь!

Вот одна из машин задымила. Завертелась волчком с перебитой гусеницей другая. Остановилась третья — это хлестнул по ее смотровой части один из пулеметов. Остальные три танка повернули назад.

Но снаряды вражеской артиллерии ложились все ближе.

— Нащупывают гады. Но и мы не лыком шиты.

Пулеметчики скрытно сменили огневые позиции и пока что ничем не выдавали себя. А вражеская артиллерия все еще была по пустому месту, обнаруживая себя своим огнем.

Фашисты вынырнули словно из-под земли. Они предприняли новую атаку на старые позиции гвардейцев. Тем самым они подставили пулеметчикам свой фланг. Огонь гвардейцев был настолько внезапным, что фашисты немедленно показали хребет.

И тут поднялся в атаку весь батальон. На плечах ошеломленного противника он ворвался в предместья Мелитополя. Завязался бой за каждую

улицу, за каждый дом. Но гвардейцев уже ничем нельзя было остановить. После боя его снова вызвал к себе Поляков. От имени командования поблагодарил Миннигали за успешно выполненное задание.

— Служу Советскому Союзу!— вытянувшись, с чувством ответил Губайдуллин.

— Да, а как твоя рука?— поинтересовался вдруг комбат.

— Пустяки. Уже заживает,— улыбнулся лейтенант.

— Ну, тогда я сейчас выдам еще одно лекарство, от которого она еще быстрее заживет,— загадочно сказал майор.— За отважные действия командование награждает тебя орденом Красной Звезды. Отличившихся бойцов твоих тоже ждут награды.

— Спасибо, товарищ комбат. От всего взвода спасибо. Готовы выполнить новые задания!

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Имя славного сына башкирского народа, воспитанника Ленинского комсомола Миннигали Губайдуллина было занесено в золотой список Героев Советского Союза. Это был молодой бесстрашный командир, за которым надолго закрепилось прозвище «стенной орел». Он всегда появлялся на ответственных участках боя и в критический момент выручал своих товарищей. Своим беззаветным служением Родине Миннига-

ли Губайдуллин приумножил славу нашей дивизии. До последней капли крови бился он, прокладывая путь к победе.

Из выступления перед бойцами Героя Советского Союза командира 109-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майора И. В. Балдынова.

Они шли по истерзанной, разграбленной и поруганной земле Украины. Родина великого кобзаря Тараса Шевченко, чьи стихи Миннигали полюбил еще в школе, встречала их остовами печных труб, оставшимися от сгоревших хат, толпами женщин и детей, медленно и понуро бредущих по дорогам от пепелища к пепелищу. Много было и полностью осиротевших подростков.

— Где твой отец?— спрашивали бойцы одного такого мальчонку.

— Убылы,— отвечал он хмуро.

— А мать?

— Померла.

— Братья и сестры есть у тебя?

— Е,— сестра, ее угнали в ниметчину.

— А родственники остались?

— Их спалили.

Кровь леденела в жилах бойцов, когда слушали они рассказы освобожденных жителей о зверствах фашистов, о массовых расстрелах ни в чем не повинных женщин, детей, стариков.

Священным гневом наполнились сердца советских воинов при виде горя и страданий, принесенных врагом на советскую землю. Крепло желание поскорее рассчитаться с ним, очистить отчизну от фашистской нечисти, залечить ее раны.

Советская Армия стремительно наступала. Словно могучей подковой сжимали наши войска отступающего противника. Гитлеровские соединения опасались полного окружения и все поспешнее, оставляя один рубеж за другим, отходили к Днепру. Немецкие тягачи, бронетранспортеры и другая тяжелая техника вязли в непролазной грязи. Не выдержав натиска, фашистские части бросились через реку. Переправлялись как попало, кто на бочках, плотам и бревнах, а кто и просто вплавь, лишь бы быстрее уйти от преследования.

Для командования 109-й дивизии очень важно было нанести противнику наибольший урон во время переправы, не дать ему возможности закрепиться на скалистом правом берегу. Но дивизионная артиллерия отстала от ушедших вперед стрелковых подразделений.

И здесь снова отличился взвод лейтенанта Губайдуллина. Прорвавшись вместе со стрелками к левому берегу Днепра, он обрушил на переправлявшиеся немецко-фашистские части губительный ливень пулеметных очередей. Сотни гитлеровцев встретили свой последний час в волнах седого Днепра и на его правом берегу.

Наши войска стали готовиться к форсированию великой украинской реки.

ДЛЯ ГВАРДЕЙЦЕВ НЕТ ПРЕГРАД

Для форсирования устья Днепра в период весеннего разлива понтонных средств было недостаточно. Местные рыбаки для переправы бойцов предоставляли свои лодки, помогли сколотить плоты из бочек, бревен и других подручных средств.

10-й корпус, входивший в состав 28-й армии, под командованием генерал-майора Рубанюка закончил к этому времени переправу из района Великая Лепетиха и вел наступление в общем направлении Качкаровка, Новорайск. Умело взаимодействуя с частями, наступающими вдоль правого берега реки, с частями, форсирующими Днепр (восточнее Каховки), корпус добился быстрого освобождения города Берислава. В боях за город особенно отличилась дивизия под командованием полковника Балдынова.

Из воспоминаний бывшего командующего 28-й армией генерал-лейтенанта А. А. Гречкина о боях за овладение Херсоном.

Старались предусмотреть каждую мелочь. Взвод Губайдуллина даже колышки заготовил для затыкания пулевых пробоин в лодках. В плавнях, протоках и малых речках левобережья Днепра учились бесшумно преодолевать водные преграды. Ни одна минута не пропадала даром. Учились все бойцы, сержанты, офицеры. Днем и ночью усиленно велась разведка правого берега, в тылу передового края батальона создавались всевозможные препятствия, штурмовые полосы.

Миннигали вглядывался в правый берег. Круто вздымался он над водой. Наверху чернели щели пулеметных гнезд. Кое-где берег был рассечен оврагами и балками. По ним можно было бы зайти в тыл врагу. Но вряд ли гитлеровцы оставили их незаминированными. Нет, придется карабкаться на кручу и выковыривать засевших в дзотах фашистов.

Губайдуллин представил себе, как его бойцы

выскакивают из лодок и упираются в отвесную стену берега. Как на нее взбираться? И тут вспомнились ему жаркие дни жатвы в родном ауле. Как вскакивал он на плечи друга Рашита, чтобы взобраться на омет соломы. А что, если и здесь — так же. Он стал отрабатывать с бойцами этот прием. Кто-нибудь из них становился у высокого препятствия и раскидывал руки, а напарник по пулеметному расчету вскакивал ему на плечи и лез выше.

Он верил в своих бойцов. Но, готовя их к операции, не устал повторять, ставший крылатым в их батальоне лозунг: «Сев в лодку, забудь, что существует левый берег. Достиг правого берега — ни шагу назад, а только вперед!»

И вот на исходе ночи дан сигнал к переправе. Бесшумно погрузив в лодки пулеметы, они оттолкнулись от берега. Взвод Губайдуллина, как наиболее опытный, переправлялся с первой группой десанта. До середины реки шли в настороженной тишине. Казалось, противник затаился и выжидает. Но вот заговорили его пулеметы и минометы. Вода вокруг лодок десантников забурлила, вздыбилась большими и малыми столбами. Пробоины в лодках бойцы быстро затыкали заготовленными колышками, а большие — шапками.

— Маневрируйте лодками,— крикнул Миннигали своим расчетам, сидящим на веслах.— Забирайте правее, обходите зону огня!

С левого берега по дзотам ударили наши орудия. Открыли огонь по противнику прямо с лодок и отряды десанта.

— Дружнее работайте веслами!— снова крикнул Губайдуллин.— Скоро мы войдем в мертвую

зону, и огонь врага нам будет уже не страшен.

И в самом деле: чем ближе они подплывали к берегу, тем выше над ними проносились пули и снаряды. Вот наконец и берег.

Отработанными на учениях приемами бойцы Губайдуллина стали штурмовать кручу. В их полосе оказалось два дзота. Они закидали их гранатами, и те замолчали.

Втащили наверх пулеметы и боеприпасы.

— Быстро окопаться!— приказал наверху командир взвода.— И приготовиться к отражению атаки противника!

А тот не заставил себя долго ждать. Из ближней рощицы появились плотные цепи гитлеровцев. Намерения их не оставляли сомнений: сбросить обратно в реку высадившийся десант.

— Не удастся вам это, гады,— с ненавистью думал каждый из бойцов, залегших за пулеметами.— Нет, не удастся. Подходите, подходите поближе, сейчас мы вас угостим.

По команде Губайдуллина взвод открыл огонь сразу из всех шести пулеметов. Ряды фашистов дрогнули, поредели. Но какая-то сила гнала и гнала их вперед. До слуха наших солдат доносились отрывистые лающие команды немецких офицеров. Это они заставляли своих вояк продолжать атаку, несмотря на губительный огонь. Стреляя на ходу из автоматов, они упрямо шли вперед. Их огонь был не прицельный, но расстояние между наступавшими и взводом сокращалось с каждым мгновением, и пули немцев проносились обжигающе близко. Вот замолчал один из пулеметов Губайдуллина, потом второй. Он глянул в ту сторону: что

там с расчетами, ранены или убиты? А может, просто вставляют новую ленту.

— Товарищ лейтенант, кончаются патроны,— доложили командиры первого и второго отделений.— Вставлена последняя лента.

Эх, ударить бы сейчас по наступающим пару раз из пушек! Но наша артиллерия с левого берега, боясь задеть своих, перенесла огонь далеко вглубь обороны противника. Нет, сейчас надо надеяться только на себя.

— Приготовить гранаты,— крикнул Миннигали.— Бросать будем разом.

Когда немцы подошли совсем близко к умолкшим позициям взвода, в них полетели гранаты. Потом еще и еще. Дым от разрывов на какое-то время скрыл из поля зрения наступающие цепи. Когда он рассеялся, вдруг заговорили пулеметы справа. Они косили тех, кто уцелел после взрывов.

— Что это?— повернулся в ту сторону Миннигали. А когда понял, радостно закричал:— Ура, товарищи! Переправились и вступили в бой наши соседи. Плацдарм расширяется!

И, словно в подтверждение его слов, ударила очередь и с левого фланга. Это с ходу ввязался в перестрелку еще один взвод десантников.

Остатки гитлеровцев повернули назад. В течение дня были отбиты еще две их атаки. Но за это время переправился и окопался уже весь полк. Ночью от командира дивизии полковника Балдынова поступил приказ: контратаковать на рассвете противника, подавить его артиллерийские огневые точки с тем, чтобы обеспечить форсирование Днепра остальным нашим частям.

ДУДЧАНЫ, ДУДЧАНЫ....

Служил я связистом-телефонистом по обеспечению артиллерии дивизии связью со штабами полков. В марте 1944 года наша 109-я стрелковая дивизия вела ожесточенные бои в предместьях города Берислава и за села Северная Камра, Горностаевка, Западная Камра, Марьевск, Лапатки.

В районе деревни Лапатки с южной стороны имелись две небольшие сопки, на этих сопках было много дзотов. Эти сопки по три-четыре раза переходили из рук в руки в течение дня, и это продолжалось полтора месяца. После форсирования Днепра очень тяжелые бои шли за деревни Дудчаны и Рядовое.

Из воспоминаний бывшего гвардии рядового 109-й стрелковой дивизии П. М. Шандалова.

После нескольких дней наступления полк подошел к селу Дудчаны. Село лежало в ложбине между холмов. Путь к нему преграждали пологие высоты, на которых успел закрепиться противник. Даже невооруженным глазом было видно, что немцы на высоте продолжали копать, а их саперы таскали бревна — оборудовали дзот.

Взять высоту с ходу не удалось: подвела артиллерия, отстала из-за бездорожья, а у немногих добравшихся батарей осталось очень мало снарядов, необходимых на самый критический случай. Атаковать же без хорошей артподготовки — значит потерять во много раз больше людей. Поэтому ко-

мандир полка майор Пеньков приказал прекратить атаку. И сейчас, рассматривая высотку, с сожалением думал о том, что за ночь противник еще больше укрепитя на ней.

И все-таки атаковать ее до утра было бы неразумно. Полк, непрерывно наступавший по весенней распутице, устал. Требовалась хотя бы небольшая передышка, чтобы подтянуть боеприпасы и хорошенько накормить людей, дать им отдохнуть. Хотя бы ночь.

Но и эту ночь бойцам спать почти не пришлось. Надо было окопаться, почистить оружие. Ведь предстоял жаркий бой.

Взвод Губайдуллина был ближе всех выдвинут к высоте. И Миннигали был уверен, что именно его пулеметчикам опять придется первыми штурмовать ее вместе с пехотной ротой, которую он поддерживал. Поэтому он хотел соответствующим образом настроить своих ребят, пробудить в них хорошее военное честолюбие, стремление отличиться в бою.

Разные у него были солдаты: и такие же молодые, как он, и значительно старше его. Русские, украинцы, белорусы. Есть киргиз и азербайджанец. С интересом слушали они друг друга, когда каждый по очереди пел свою народную песню или рассказывал какую-нибудь легенду, предание. А потом все вместе затягивали свою самую любимую — «Катюшу».

Любили его ребята и шутку, и безобидный розыгрыш. Уралец Николай Бабошкин все время добивал киевлянина Петра Дорошенко спором, что вкуснее: пельмени или галушки. Спорщики призывали в качестве арбитра командира взвода. В кон-

це концов договорились так: после войны Губайдуллин сначала побывает в гостях у Бабошкина, а потом в Киеве у Дорошенко, и тогда окончательно решит, кто из них прав.

Киргиз Токтогул Садыкбеков знал наизусть множество строк из народного эпоса «Манас». С интересом вслушивались бойцы в ритмическую речь товарища, просили перевести, как будет это звучать по-русски.

— По-русски трудно,— улыбался Токтогул.— Слов мне для этого не хватает. В общем, про подвиги, про героизм говорится, про защиту Родины.

— А у вас, у башкир, товарищ лейтенант, кто национальный герой?— спросили однажды Губайдуллина пулеметчики.

— Салават Юлаев,— ответил Миннигали.— Сподвижник Емельяна Пугачева. Между прочим, он был не только хорошим воином, но и поэтом, писал стихи, которые стали песнями и поются у нас в Башкирии до сих пор.

И он рассказал им о Салавате, прочел его стихи по-башкирски и перевел их затем на русский. Потом напел некоторые из мелодий на стихи Салавата.

— На наши песни похоже,— сказал, прослушав командира, Токтогул Садыкбеков.— Вот на эту...

И он спел по-киргизски.

Любили песни во взводе Губайдуллина. И всегда, когда выдавалась свободная минута, бойцы, не занятые несением караула, собирались в землянке и, покурив, начинали, как они шутили, концерт по заявкам. Вот и теперь, управившись с делами, они собрались в центральном окопе, где расположилось со своими пулеметами второе отделение.

ние. Покурили, помолчали. Все ждали, что скажет командир.

— Ну-ка, рядовой Дорошенко, спой нам что-нибудь задушевное,— попросил Миннигали. У Петра Дорошенко был приятного тембра баритон, его любили слушать. Он знал это и никогда не заставлял себя лишний раз упрашивать.

Над водой склонилась, чистой,
Красная калина,—
Ждет с похода — не дождется
Мать родного сына.

Солдат пел негромко, но столько было чувства в простых словах этой песни, так она всех захватила с первых же строк, что товарищи слушали его, затаив дыхание.

Где-то он воет немца,
Где? Один бог знает.
Рубит злого чужеземца,
Не щадит — карает.
Терпит муки мать в разлуке,
Знать бы, где — нашла бы,
На весь свет простерла б руки —
Сына обняла бы.

Где Дорошенко слышал эту песню, так созвучную настроению бойцов, думал, слушая его, Губайдуллин. Песня уносила его в родные края, ему живо представились мать и отец, постоянно ждущие писем от него и от Тимергали. Он пишет им часто. А вот от Тимергали что-то давно уже нет известий, с тревогой сообщала ему мать. Он успокаивал родителей, писал, что на фронте всякое бывает и порой не до писем, так что не стоит из-за этого сильно переживать. Но и сам был не спокоен в отношении Тимергали: что с ним? Оказался в окружении, пропал без вести?

Миннигали последнее письмо домой послал неделю назад, когда была небольшая передышка. А потом снова непрерывно наступали. Он начал было сегодня очередное письмо, но не закончил: вызвали к комбату. Майор Поляков приказал готовиться: утром — бой за высоту, и Миннигали решил — вот войдут в село, в эти самые Дудчаны, тогда и допишет он письмо домой.

Дудчаны. Они чем-то напомнили ему Уршак-баш-Карамалы. Как и его родное село, оно лежало среди невысоких гор, переходящих в холмы. И одну из высоток им предстояло завтра взять. Как бы он хотел перед этим боем хоть на миг перенестись в родное село, увидеть мать, отца, Зайтуну...

...Загляделась с кручи в воду
Красная калина,—
Сыновей своих с похода
Ждет мать-Украина.

Дорошенко закончил песню, но долго еще никто из бойцов не решался нарушить молчание. Каждый думал о своем.

— Ждет мать-Украина, ждет мать-Белоруссия, ждет своих сынов каждая из наших республик,— тихо заговорил командир взвода.— И всех нас ждет наша общая мать — Россия, наше социалистическое Отечество — Советский Союз. Ждут наши матери, отцы, дети, сестры и братья. С победой нас ждут всех.

Нет, он не собирался держать перед взводом речь. Но, чутко уловив настроение бойцов, решил, что сейчас самый подходящий момент высказать то, что подспудно чувствовал каждый.

— И от каждого из нас с вами зависит приближение этого дня. Дня нашей Победы, который люди

будут писать с большой буквы. Мы приблизим ее, нашу Победу, своим завтрашним боем, когда возьмем эту высоту, а затем и село Дудчаны.

— Правильно понимаете свою задачу, товарищ лейтенант,— раздался голос из темноты. Все повернулись в ту сторону и увидели, что к ним ходами сообщений тихо и незаметно подошел командир полка. За ним виднелась фигура комбата. За разговором Губайдуллин и все, кто был в центральном окопчике, видимо, не слышали, как бойцы охранения окликали подходивших к их позициям командиров.

Губайдуллин знал, что следует немедленно доложить начальству, как положено по уставу, но момент для этого был упущен.

— Товарищ майор...

— Тише, тише. Можно и без доклада,— просто сказал майор Пеньков, сразу сняв возникшую было напряженность.— И так видим, чем вы тут занимаетесь.

Бойцы со своим командиром взвода выжидающе всматривались в полковое и батальонное начальство. Все понимали, что не случайно оно пожаловало сюда.

— Весь взвод в сборе?— спросил майор Пеньков.

— Все здесь, кроме караульных, товарищ майор,— ответил Губайдуллин.

— Ну и хорошо. Значит, можно начинать разговор. Дело, товарищи, вот в чем...

Майор коротко обрисовал боевую обстановку. Рассказал, какая задача стоит перед полком, батальоном. Надо взять село Дудчаны. Но взять не любой ценой, а с меньшими потерями. А это не-

просто. Ведь на пути наших частей — господствующая над местностью высота. Противник обстреливает с нее большой сектор пространства. Продвижение всего полка зависит теперь от того, как скоро высота будет нашей.

— Вы, наверное, уже поняли, к чему я все это говорю и зачем мы с комбатом пришли к вам,— продолжал далее командир полка.— Да, товарищи, вашему взводу в этой операции отводится особая роль. Вы не просто будете поддерживать огнем роту, которой предстоит брать высоту. Вам поручается большее. И не случайно именно вам командование доверяет такое нелегкое дело. Потому что ваш взвод проявил себя в боях с самой лучшей стороны. Командир у вас опытный и смелый. Так я говорю, комбат?

— Так точно, товарищ майор,— быстро ответил на вопрос командира полка комбат Поляков.— Взвод Губайдуллина — лучший в батальоне. И в этом немалая заслуга его командира.

— Видите, как мы вас нахваливаем,— улыбнулся майор Пеньков, окинув взглядом пулеметчиков.— Но все правильно: заслужили.

— Оправдаем ваше доверие, товарищ майор,— ответил за всех Петр Дорошенко.— А за нашим командиром мы готовы в огонь и воду.

Хорошо, что было темно, а то бы бойцы увидели, как вспыхнул от смущения, потупил взор лейтенант, их отважный командир. Командир полка, кажется, понял это и поспешил снова перейти на деловой тон.

— Сколько у вас пулеметов и каких систем?— спросил он.

— Три осталось, товарищ майор,— ответил Гу-

байдуллин.— Два «максима» и один новый тонкоствольный, системы Горюнова.

— Что ж, это сила,— сказал майор.— Итак, ваша задача будет заключаться в следующем...

Командир полка сделал паузу. Все слушали его, затаив дыхание.

— Под покровом ночи бесшумно подобраться поближе к высоте. Окопаться. И с наступлением рассвета открыть стрельбу по немецким траншеям и дзотам. Этим вы отвлекете на себя внимание противника и облегчите задачу ротам, которые пойдут на штурм высоты.

— Задача ясна, товарищ майор,— сказал Губайдуллин.— Разрешите приступить к исполнению.

— Времени у вас мало, товарищи,— вместо разрешения сказал командир полка.— А задание сложное и опасное. Будьте осторожны. Слишком близко к противнику не подходите, а то раньше времени обнаружите себя. Зря не рискуйте. Впрочем, вы сами понимаете, на что идете. Но мы вас всех очень просим, нет,— приказываем вам: постарайтесь остаться живыми.

— Постараемся, товарищ майор,— ответил от имени всего взвода Губайдуллин.

— Ну, а к тебе это больше всех относится,— вставил слово комбат, обращаясь к командиру взвода, и улыбнулся.— Думаешь, мы забыли, что у тебя завтра день рождения? Нет, дорогой товарищ лейтенант, помним эту дату: Восьмое марта—Международный женский праздник и одновременно день рождения Губайдуллина. Так что готовься принимать гостей и поздравления с подарками. Но это уже после боя, в освобожденных Дудчанах.

И опять вспыхнул от смущения Миннигали. От

смущения и в то же время от радости. Надо же: помнит комбат, когда у него день рождения! И в прошлом году поздравил его в этот день, и нынче вот не забыл, несмотря на суматоху и сумятицу всевозможных дел, которых комбату всегда хватает.

— Спасибо за внимание, товарищ комбат.

— А теперь можете приступить к выполнению поставленной задачи.

— Есть приступить, товарищ майор!

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

В обстановке тяжелых боевых действий на рубеже Дудчаны-Рядовое в районе Берислава и Херсона командованию 109-й гвардейской стрелковой дивизии стал известен героический подвиг М. Х. Губайдуллина. Этот отважный поступок мы тут же в боевой обстановке широко распространяли среди личного состава дивизии и освещали на страницах нашей дивизионной газеты.

Бессмертный пример тов. Губайдуллина воодушевлял гвардейцев дивизии на борьбу против немецко-фашистских войск...

Мы, ветераны войны и однополчане тов. Губайдуллина, выражаем свою глубокую благодарность Совету Министров БАССР за проявленную заботу по увековечению героического подвига М. Х. Губайдуллина.

Из письма в Совет Министров БАССР бывшего начальника политического отдела 109-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковника запаса Б. А. Мартиросова.

Метр за метром, осторожно, боясь произвести малейший шум, малейшее звяканье металла о металл, продвигался к высоте взвод Губайдуллина. Продвигались ползком, волоча за собой пулеметы и коробки с патронами. Иначе нельзя было. Время от времени противник освещал местность ракетами. В такие моменты старались как можно плотнее прижаться к земле, слиться с мелким кустарником, прошлогодней нескошенной травой.

Губайдуллин передал, ползущим впереди условный знак: прекратить движение, рассредоточиться и начать окапываться. Так же лежа, начали работать маленькими лопаточками. Выкопанный грунт старались рассыпать равномерно, чтобы не возникло подозрительных для противника бугорков.

И все-таки немцы, видать, что-то заподозрили. Они запустили несколько ракет и стеганули в сторону взвода пулеметной очередью. Взвод замер. Когда противник успокоился, снова продолжали вгрызаться в землю.

А ночь шла на убыль. И надо было торопиться. Иначе скоро немцы уже и без ракет увидят, что у них под самым носом неожиданно появились новые огневые позиции.

— Товарищ лейтенант,— подполз к Губайдулину Дорошенко.— Товарищ лейтенант, давайте к нам.

— А что случилось?— спросил его Миннигали.

— Ничего, товарищ лейтенант. Просто мы нашли воронку от снаряда. Установили в ней пулемет. И вам там будет безопаснее.

— Что же, это дело,— одобрил действия бойца

командир.— Тогда помоги окопаться другим. А я сам доберусь до твоей воронки.

Восточная часть неба заметно посветлела. Но рассвет не застал взвод врасплох: пулеметчики успели углубиться в землю, отрыть небольшие окопчики. Теперь они не мишени на голом месте. Нет. Теперь они для противника — грозная сила.

— Первыми огня не открывать,— передал Губайдуллин приказ отделением.— Получше разглядеть цели.

И вдруг предрассветная тишина исчезла, взорванная обвальным огневым треском и гулом. В сторону взвода, сверкая, неслись, перекрещиваясь и обгоняя друг друга, огненные трассы. Над высотой взмыли ракеты, заливая синим дрожащим светом склон.

— Беснуйтесь, беснуйтесь,— стиснув зубы, злобно думал Губайдуллин.— Все равно вам нас отсюда не скovyрнуть.

Он понимал, что его взвод уже одним своим присутствием здесь, вблизи врага, даже не отвечая на его огонь, помогает тем, кто готовится к штурму высоты. Сейчас наши артиллеристы засекут огневые точки противника и еще до атаки постараются уничтожить их. Да и его взвод не будет все время «отмалчиваться». Им есть чем ответить. Только они не будут торопиться. А чтобы уж бить — так наверняка.

Через некоторое время над взводом со стороны наших позиций пролетел снаряд и разорвался на высоте.

— Засекли голубчиков,— обрадовался Минни-гали.— Сейчас дождетесь, будет вам на орехи.

Пролетело и разорвалось еще несколько снарядов. Огонь со стороны противника прекратился.

— Неужели так быстро подавили их огневые точки?— удивился Миннигали и слегка высунулся из воронки. Теперь уже хорошо была видна вся высота. По ее гребню тянулась траншея. От нее отростками шли ходы сообщений к трем дзотам, что были немного ниже траншеи. Два из них были довольно далеко, особенно третий, крайний. А один чернел своей амбразурой совсем близко от взвода Губайдуллина. Земля вокруг двух дальних дзотов была изрыта воронками.

— Работа наших артиллеристов,— подумал Миннигали.— Может, осколки от разрывов попали в амбразуры дзотов и уничтожили или ранили тех, кто так остервенело изрыгал огонь по взводу? Хорошо, если бы так...

Но Губайдуллин знал и другое. Они живучи, эти дзоты. И умолкают лишь на время, пока у пулеметов живые и здоровые не сменят убитых и раненых. Так что осколками такую точку не подавишь. Желательно прямое попадание снаряда. Или хотя бы гранаты. Не зря же они так и называются: дзоты — долговременные заградительные огневые точки.

И словно в подтверждение этих мыслей все три дзота снова заговорили. Но, к удивлению бойцов, теперь пули шли высоко над их головой.

— Наши поднялись в атаку,— догадался Миннигали.

Он приказал Дорошенко следить за противником, а сам перебрался на другой край воронки и стал всматриваться в наши позиции. Миннигали увидел, как из траншей их батальона поднимают-

ся и, несмотря на плотный огонь противника, бегут, пригибаясь, цепи солдат. Бегут к высоте.

— Взвод, слушай мою команду!— закричал что есть силы Губайдуллин.— Дорошенко по первому дзоту, Садыкбеков по второму, Бабошкин по третьему — длинной очередью — огонь!

Дзоты, словно захлебнувшись встречными очередями, замолчали. Но ненадолго: стоило пулеметам Дорошенко, Садыкбекова и Бабошкина прекратить огонь, как с высоты снова понеслись свинцовые струи. Они заставили залечь нашу пехоту.

— По дзотам — огонь!— снова скомандовал Миннигали.

Они били точно по амбразурам. Но все понимали, что их пули, идущие снизу вверх, влетая в амбразуры, скорее всего врезаются в потолок дзотов и могут лишь контузить расчеты противника. Полностью вывести их из строя пулеметными очередями вряд ли удастся.

Миннигали стало больно от сознания ограниченности их возможностей. Все его существо протестовало против мысли, что они в состоянии только на время перекрыть огонь гитлеровцев.

А потом те будут строчить снова. А как же тогда наши внизу? Неужели будут подниматься и падать, падать под пулями врага?

— Дай-ка я попробую,— тронул он за плечо Дорошенко и сам лег за пулемет. Он бил в нижний срез амбразуры. Бил короткими и длинными очередями. Бил до тех пор, пока не закипела вода в кожухе.

Отвалившись от пулемета, Губайдуллин увидел, что за это время атакующие цепи сделали хороший рывок вперед. Теперь бы еще пару таких

рывков, и батальон будет совсем близко, на склоне высоты.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Известны десятки советских воинов, повторивших подвиг Александра Матросова. Были у него и предшественники. За годы Великой Отечественной войны бессмертный подвиг совершили 275 советских воинов. Среди них сыны разных национальностей и народностей, населяющих нашу Советскую Родину. Вот некоторые из этих имен. Русские С. И. Акифьев, И. В. Бобин, Н. Г. Вардамов, П. К. Гужвин, П. С. Дернов, А. П. Живов, М. Л. Ивченко, К. К. Краснояр, С. Д. Роман, Н. С. Таталушкин и другие; украинцы С. Харченко, Ф. Р. Горбан, М. Я. Дзигунский, В. С. Колесник, А. С. Маната...; белорусы П. И. Аврамков, М. А. Белуш, И. С. Зайцев, С. А. Коваленко, П. В. Костючек, П. И. Куприянов; казахи С. Б. Баймагамбетов, С. Искалиев, Д. Каракулов, Ж. Молдагалиев и А. Сухамбаев; армяне У. М. Аветисян, Г. Колозян, А. В. Ростомян; евреи Е. С. Белинский, И. Р. Бумагин и Т. Х. Райз; марийцы З. Ф. Прохоров и В. И. Соловьев; узбеки Т. Рустемов и Т. Эрджигитов; эстонцы—Я. М. Кундер и И. И. Лаор; абхазец В. Д. Пачулия; азербайджанец Герай Лятиф-оглы Асадов; башкир—М. Х. Губайдуллин, бурят—И. Н. Баторов; киргиз—Ч. Тулебердиев; татары—Г. Г. Гафиятуллин, Б. Г. Шавалиев.

Несколько человек, оправившись от тяжелых ран, остались живы. Среди них—А. А. Удодов, Т. Х. Райз, В. П. Майборский.

Большинство героев—коммунисты или комсомольцы.

Некоторые из беспартийных воинов сразу же после боя, в котором они совершили подвиг, были посмертно приняты в ряды партии и комсомола.

По материалам архива Министерства обороны СССР, Главного управления кадров МО СССР, фондов Центрального музея Вооруженных Сил СССР, Государственного музея Революции СССР.

Засевшие в дзотах гитлеровцы, видимо, решили покончить наконец с досаждавшими им пулеметами на склоне высоты. На взвод Губайдуллина понеслись дымные, заметные в воздухе струи крупнокалиберных трасс. Пули, рикошетируя о щиты пулеметов, со шмелиным гулом разлетались в разные стороны, обдавая бойцов своим горячим дыханием. Погнутые, искромсанные осколками щиты спасали их.

— Что ж, пусть лучше в нас бьют, чем в них, — внутренне сжавшись, подумал Миннигали, имея в виду роты батальона, преодолевавшие по открытому пространству трудные метры к высоте. Ведь огонь по ним с такого расстояния был уничтожающим. И поэтому, когда пули снова полетели высоко над их головами, в сторону атакующих, он подтолкнул Дорошенко к пулемету:— Заставь, скорее заставь их замолчать!

— Патроны на исходе, товарищ лейтенант.

Дорошенко теперь экономил, стрелял короткими очередями. Наверстать бы двумя другими пулеметами! Но и с ними было что-то неладное. Чут-

кое ухо командира взвода быстро уловило, что замолчал окопчик Садыкбекова.

— Неужели убит?— встревожился Губайдуллин.— А что с Бабошкиным? Почему так редко работает его пулемет? Может, и у него патроны кончились? Или ранен? Посмотреть бы, что там и как...

Но высунуться из воронки немцы не давали: тут же обжигали очередью. Их огонь снова косил наших солдат там, внизу. Миннигали даже не глядя, на слух, по звукам боя определил, что атакующие роты опять залегли.

— Чем помочь им?— мучительно размышлял Миннигали.— Патроны кончились. Подползти и забросать дзоты гранатами?

В это время над головами бойцов пронесся, потрескивая и постанывая, тяжелый гаубичный снаряд, затем второй, третий. С мощным глубинным грохотом они обрушивались на высоту.

— Товарищ лейтенант, наши бьют!— радостно прокричал Дорошенко.— И, кажись, в дзоты попали!

Миннигали понял это и сам. Но возглас бойца придавал случившемуся как бы еще большую реальность. Молодцы артиллеристы! Здорово на этот раз рассчитали: положили снаряды в самую точку. Два дальних дзота были основательно разворочены, из них повалил густой дым.

— Теперь бы еще в третий так же!— снова подал голос Дорошенко.— И тогда бы дело с концом.

Но время шло, а наша батарея молчала.

Что же это? Почему не бьют по третьему, забеспокоился Губайдуллин. Или артиллеристы не видят его, этот дзот? Или...

И тут в его сознании мелькнула догадка. В следующее мгновение она уже превратилась в уверенность. Нет, артиллеристы, конечно же, хорошо видят и этот дзот. Но не бьют по нему не случайно. Они же боятся задеть своими снарядами его бойцов! Ведь третий дзот был ближе всех к ним.

— Эх, жаль, нет связи с батареей,— вздохнул Миннигали.— А то бы вызвали сейчас огонь на себя.

А третий дзот, словно почувствовав свою безнаказанность и неуязвимость, с еще большим остервенением стал поливать свинцом наступающие цепи. Открыть по нему ответный огонь Губайдуллин и Дорошенко не могли: кончились патроны.

— Что ж, остается действовать гранатами,— сказал Миннигали.

— Разрешите мне, товарищ лейтенант,— обратился к нему Петр Дорошенко.— Попробую подползти к нему сбоку.

— Давай!— одобрил его намерение Миннигали.— А мы с Бабошкиным прикроем тебя огнем.

Дорошенко ничего не сказал, хотя подумал о том, как же может командир прикрыть его огнем, если у них кончились патроны. Сунув в карманы гранаты, он подтянулся к краю воронки и вылез на открытое пространство, простреливаемое противником.

— Держись ближе к кустарнику,— крикнул ему вслед Губайдуллин.— И сразу забирай влево, чтобы он тебя не достал.

У Миннигали созрел план. Прикинув на глаз расстояние до окопчика Садыкбекова, он определил, что ему хватит двух-трех секунд, чтобы не-

ожиданным для немцев рывком преодолеть его. А там, возможно, кто-то еще жив, есть патроны.

Губайдуллин вылез из воронки, быстро подхватился и стремительно метнулся к намеченной цели. Немного не добежав, он упал на землю, спиной и затылком почувствовав прожужжавшие над ним пули. Сползая в окопчик, Миннигали понял, что все кончилось для него благополучно. Но то, что он увидел здесь, заставило его сердце сжаться от боли. И Садыкбеков, и оба бойца его расчета были убиты. Сам Токтогул лежал, уткнувшись лицом в землю, так и не выпустив рукоятки пулемета.

Много потерял Губайдуллин за войну боевых товарищей. Но всякий раз сердце никак не хотело свыкнуться с такой жестокой неизбежностью войны, как человеческие потери. Вот и еще трое рядовых тружеников войны сделали все, чтобы выполнить свой долг и отдали жизнь за победу. Какой же дорогой ценой приходится добывать им ее, эту победу!

Он бережно уложил всех троих рядом, освободив себе место у пулемета. Патронов немного оставалось в заправленной ленте да была еще одна непечатая лента. Поправив наводку, он начал бить по амбразуре ближнего дзота. А в промежутках видел, оглядываясь назад, как снова шевелились под высотой серые фигурки бойцов и обрадованно думал: авось пособил. Видел он и то, как продолжал ползти к дзоту Дорошенко.

Но, когда Миннигали вставлял новую ленту, из дзота снова раздалась очередь. На этот раз трасса была короткой и шла в сторону Дорошенко. Гу-

байдуллин увидел, как перед его бойцом вздыбились фонтанчики земли, а сам он дернулся и замер.

— Неужели убит?—с горечью подумал Миннигали. И тут он заметил, что к Дорошенко ползет еще один боец. Губайдуллин узнал в нем Бабошкина. Ползет на выручку другу,— с теплотой подумал о нем Миннигали.— Только бы Петр был еще жив. Если бы был жив...

Он выпустил очередь по дзоту. Потом, когда тот «заговорил»,— еще одну, стремясь подольше растянуть последнюю ленту. Чем еще мог он помочь и бойцам внизу, у подножия высоты, и тем двоим, которые были совсем близко от дзота? Но вот выпущен последний патрон.

Миннигали понял, что оставаться теперь ему в окопе — значит, быть простым очевидцем боя. Нет, он так не привык. Он должен действовать. Он сделает все, чтобы заставить наконец навсегда замолчать этот ненавистный, унесший столько жизней дзот.

Миннигали нашел в окопе гранаты, затем перевел в боевое положение предохранитель на своем пистолете. Еще раз взглядевшись в обе фигурки своих бойцов, он понял, что и с Бабошкиным, видимо, что-то случилось: он уже давно не двигался, застыв невдалеке от Дорошенко. Рассматривая подступы к дзоту, он убедился, что обходных путей к нему нет. Пытаться подобраться к амбразуру справа или слева — значит, растягивать путь и увеличивать тем самым вероятность не дойти до цели.

Нет, напрямую и короче, и вернее, решил Миннигали. И он не поползет — слишком это долго. Он сделает один стремительный рывок, другой... А

если даже и упадет под очередь, то все равно будет уже так близко, что сумеет дотянуться до амбразуры, даже непременно дотянется и сделает свое дело.

Миннигали вдруг всем существом ощутил полнейшую и непоколебимую уверенность в этом. Никакие другие мысли его уже не волновали. Не испытывая ни малейшего страха, он пружинисто выскочил из окопа и рванулся к дзоту. Пробежав несколько шагов, упал и прижался к земле, на мгновение опередив очередь. Пули горячей струей прошли над головой. Еще один рывок и буду совсем близко, лихорадочно билась в его мозгу мысль. Еще один рывок...

Почувствовав, что трасса пуль пошла дальше вниз, в наступающие цепи, он снова вскочил и сделал еще несколько шагов. Но тут страшная боль обожгла ему ноги. Миннигали понял, что на этот раз вовремя упасть не успел.

Он почувствовал, что теряет силы. Но сознание работало четко. Оглушительно бивший крупнокалиберный пулемет был где-то совсем рядом. До Миннигали долетели обрывки немецких фраз.

— Дотянуться, только бы успеть дотянуться,— подумал он, всматриваясь, не поднимая головы, сквозь редкую прошлогоднюю траву в то, что было впереди. Так вот он оказывается где, чуть правее от него. Шагов пять всего будет. На него гитлеровцы уже, видимо, не обращают внимания, считают убитым. Ну, что ж, считайте, это для меня даже лучше, усмехнулся Миннигали.

Он напрягся, пробуя незаметно достать из кармана гранату. Но сразу понял, что незаметно это

не получится: из амбразуры сразу увидят и не дадут ему бросить.

— Что же остается?— заработала его мысль.— Что же остается делать?

И тут к нему снова пришло и утвердилось то единственное решение, какое мелькнуло в его сознании сразу же, как только он выскочил из окопа. Да, это будет вернее всего, решил он и приготовился выполнить то, что задумал.

Миннигали осторожно оперся на руки и попробовал двинуться вперед. Опять пронзила боль в ногах. Он на некоторое время замер. Собрался с силами и снова, ухватившись за траву, подтянулся еще. Он понял, что сейчас для тех, кто стреляет в дзоте, стал невидимым, попав в небольшую выемку у самой амбразуры. Ну, что ж, он воспользуется этим, чтобы еще спокойнее рассчитать последнее движение.

Теперь, кажется, он может дотянуться до изрыгающей огонь амбразуры рукой. Но что может его обессилевшая рука? Она уже не в состоянии бросить гранату даже на такое расстояние. Миннигали чувствовал, что последние силы покидают его. Нужно собрать их в кулак, чтобы еще раз подтянуться к амбразуре. Подтянуться и лечь. Лечь прямо на нее. Вот тогда все будет в порядке и без гранаты. Пулемет захлебнется. А наши успеют добежать до траншеи на высоте и выбить оттуда немцев...

Он сделал этот последний рывок и всей массой своего тела навалился на огнедышащее жерло. Пулемет умолк. До меркнувшего сознания Миннигали успело дойти громкое «ура», сотрясшее воздух.

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Здравствуйте, многоуважаемый Хабибулла Губайдуллович! Воинская часть, в которой служил Ваш сын Миннигали Хабибуллович, шлет Вам чистосердечный гвардейский привет.

Разрешите передать Вам большевистское спасибо за Вашего героического сына Миннигали Хабибулловича, которого Вы сумели воспитать в духе беспредельной преданности Коммунистической партии, Советскому правительству и социалистической Родине.

Из чувств уважения к Вам и долга перед Вами, воспитавшими героического сына, сообщая Вам о Вашем сыне Миннигали.

Миннигали был исполнительным, дисциплинированным, храбрым и мужественным офицером, хорошо знающим свое дело. Свои знания он всемерно стремился передать своим подчиненным, которые, переняв его учения, блестяще выполняли боевые задания в боях с немецкими захватчиками.

Миннигали был жизнерадостным, веселым, всегда находился среди своих бойцов, воспитывая в них борцов, искренне преданных делу партии и социалистической Родине, рассказывал им о подвигах героев Отечественной войны, проводил беседы среди молодежи об участии в войне Ленинского комсомола, были моменты, когда пел им народные национальные песни.

Бойцы любили своего командира, всегда слушали его с вниманием, а в боях с немецкими захватчиками проявляли свое бесстрашие и беспредельно отдавали все силы на освобождение Родины...

Вы потеряли сына, но Вы приобрели славу и гордость, оставленную Вам Вашим сыном Миннигали.

Пройдут годы, заживут раны, вновь люди заживут счастливой и радостной жизнью. Забудутся все страдания, но героев страна не забудет, не забудет тех, кто отдал свою жизнь за великое будущее, отстаивая великие завоевания отцов в Октябре 1917-го.

Примите от нас боевой гвардейский привет и пожелание успехов в Вашей плодотворной работе на общее дело для окончательного разгрома немецких захватчиков.

**Командир в/ч полевая почта 12780 гвардии
майор Пеньков Н. Н.**

12 июля 1944 года.

Действующая Армия.

Это письмо Пеньков прислал в Уршакбаш-Карамалы, когда уже вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Миннигали Хабибулловичу Губайдуллину звания Героя Советского Союза. Прислал вместе с незаконченным письмом домой самого Миннигали, которое нашли в кармане его гимнастерки.

Почему майор не написал раньше? Может быть, мешали жаркие бои, а может, командир полка долго искал те единственные слова, которые могли бы хоть как-то утешить родителей Героя.

Не исключено и такое: он ждал Указа. Ведь Пеньков первым после комбата Полякова наложил резолюцию на наградном листе, представлявшем Миннигали к высокому званию: «Достоин звания

Героя Советского Союза (посмертно)». Такие же резолюции на наградном листе наложили после него командир 109-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Балдынов, командир 10-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии генерал-майор Рубанюк, командующий 28-й армией генерал-лейтенант Гречкин, член Военного Совета армии генерал-майор Мельников, командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Малиновский и член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Желтов.

Через два дня после взятия Дудчан — 11 марта был освобожден Берислав, а еще через два дня — Херсон.

13 марта 1944 года в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами Херсон и Берислав двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина генералу армии Малиновскому среди частей, отличившихся в боях за овладение городами Берислав и Херсон, отмечены войска генерал-лейтенанта А. А. Гречкина, командовавшего 28-й армией, и генерал-майора И. А. Рубанюка, командовавшего 10-м гвардейским стрелковым корпусом. 109-й гвардейской стрелковой дивизии, как наиболее отличившейся в боях за освобождение города Берислава, было присвоено наименование «Бериславской».

3 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Миннигали Губайдуллину бы-

ло присвоено звание Героя Советского Союза. Таков путь Героя в бессмертие.

А его родная дивизия продолжала свой победный путь. Она участвовала в боях за освобождение Николаева и города-героя Одессы, громила немецких захватчиков в Молдавии, освобождала от фашистов Югославию, Австрию, Венгрию и Чехословакию. После капитуляции гитлеровской Германии дивизия была переброшена на восток, совершила пеший марш по монгольским степям, преодолела Большой Хинган и участвовала в боях с войсками японских империалистов.

Никак не могли примириться однополчане Губайдуллина с его смертью. Они по-прежнему хотели видеть его живым и здоровым, бесстрашно идущим во главе своего взвода впереди атакующих войск. И тогда родилась легенда.

Нет, Миннигали Губайдуллин не погиб тогда на высоте у села Дудчаны, утверждалось в ней, а был только ранен. Потом он выздоровел и вернулся из санбата в строй. Участвовал в освобождении Херсона и Николаева.

В одном из фронтовых очерков, автор которого оказался во власти этой легенды, приводился даже эпизод участия Губайдуллина во взятии Николаева. На окраину этого города его взвод якобы ворвался одним из первых.

Связывались с именем Губайдуллина и другие города и села, которые освобождала с боями его родная дивизия.

И это весьма знаменательно и символично. Если трус умирает дважды, причем первый раз — задолго до своей физической смерти, то Герой не пере-

стает жить даже после гибели. Он остается вечно живым в душе своего народа.

ТЫ ВЕРНУЛСЯ К НАМ, МИННИГАЛИ!

Молодым, двадцатитрехлетним запомнила его Херсонщина. Там он остался лежать навеки. А в родные места пришла его слава. Он вернулся к людям, к землякам в граните и бронзе памятника, что высится в Киргиз-Мияках, центре его родного района. Он продолжает жить, Миннигали Губайдуллин, в названиях улиц, кинотеатров, в посвященных его подвигу поэмах, кантатах, ораториях. Он живет и в повседневных делах своих земляков.

Как отмечалось выше, многое для увековечения памяти Героя сделал Совет Министров республики. Управляющий делами Совмина А. И. Афанасьев в течение многих лет скрупулезно и неутомимо собирал документы, свидетельства очевидцев о подвиге славного сына Башкирии, вел обширную переписку с архивами, выступал в печати. Собранные документы Александр Иванович любезно предоставил в распоряжение автора этой книги, за что последний выражает ему сердечную благодарность.

Молодые животноводы и механизаторы Миякинского района соревнуются на приз имени М. Губайдуллина, учрежденный райкомом ВЛКСМ. Его обладателями за высокие показатели в труде были механизатор из родного Губайдуллину колхоза «Янги-иль» Фанис Гаязов, доярка колхоза «Қызыл байрак» Фануза Кашапова, доярка колхоза «Октябрь» Анна Гончарова, многие другие юноши и девушки.

Спортсмены района ежегодно проводят звездные лыжные эстафеты на приз имени Героя, волейбольные соревнования. Стал традиционным ежегодно проводимый в Херсоне Всесоюзный турнир боксеров на приз имени Миннигали Губайдуллина.

— Хочу стать таким, как Миннигали,— пишут в своих сочинениях школьники Уршакбаш-Карамалов и Дудчан, Киргиз-Мияков и Нововоронцовки.

Большим событием стало открытие памятника М. Х. Губайдуллину в селе Дудчаны. Дудчанцы пригласили на это торжество земляков героя — представителей Миякинского района. Поехали в Дудчаны три девочки-ученицы и среди них семиклассница Гульфира Губайдуллина — племянница Героя, директор Уршакбашкарамалинской средней школы имени Миннигали Губайдуллина Гали Хайруллович Рамазанов, секретарь райкома комсомола Ляля Агьямовна Латыпова. Возглавлял делегацию секретарь райкома партии Нурислам Ситдинович Мурзабаев. Вместе с миякинцами довелось побывать в Дудчанах и автору этих строк.

Башкирию от Херсонщины отделяют две тысячи километров. Это по прямой. Но прямого самолета из Уфы в Херсон нет. Наиболее приемлемый авиарейс Уфа — Харьков. В Харькове мы пересели на поезд и доехали до Кривого Рога. Здесь нас ждал автобус, прибывший из Дудчан за 120 километров. В нем приехали встречать миякинцев секретарь парткома колхоза «Червонофлотец» Виктор Иванович Литовченко и его заместитель Евгений Александрович Грушкевич, учащиеся Дудчанской средней школы.

Е. А. Грушкевич и Н. С. Мурзабаев встрети-

лись на Криворожском вокзале, как старые друзья. Издалека узнали друг друга и кинулись в объятия Ирина Петях и Ася Ганеева, Таня Васильева и Роза Гарифуллина, Гульфира Губайдуллина. Год назад дудчанцы были гостями миякинцев. Они снова встретились — теперь уже на украинской земле, поменявшись ролями.

Наш автобус бойко пожирал километры, а по обе стороны дороги поля пшеницы сменялись бахчами, плантациями черешни и виноградниками, за окном проплывали села с белостенными аккуратными хатами, утопающими в зелени садов. Рожь и пшеница уже всю колосились, виды на урожай были хорошие.

— А как у вас? Какая стоит погода? — поинтересовались дудчанцы.

— Отсеялись хорошо — отвечали миякинцы. — Теперь бы дождя не мешало...

За расспросами о делах друг друга, об общих знакомых незаметно пролетели 120 километров. Вдали, на взгорье, показалось село Дудчаны. Время клонилось к вечеру. Издалека мы увидели большую толпу колхозников, собравшуюся у дороги перед правлением.

— Встречать вас вышли, — сказал секретарь парткома В. И. Литовченко. — Все село знает, что вы должны сегодня приехать.

Это были очень трогательные, волнующие минуты. Красивая дивчина в ярком национальном костюме преподнесла делегации на белоснежном, расшитом узорами, рушнике хлеб-соль и звонким голосом произнесла слова сердечного приветствия.

— Ласкаво просимо, дорогие гости. Добро пожаловать к нам в Дудчаны.

Теплые рукопожатия, цветы. Казалось, букетам не будет конца. В сквере перед правлением колхоза на братскую могилу воинов, погибших при освобождении села, мы возложили цветы.

Дудчаны. Белоснежные аккуратные хаты, утопая в зелени садов, дружно взбежали на пригорок и образовали уютные улицы и переулки, к которым подступали виноградники, клин поля, опушка леса и степь с разбросанными по ней курганами. Село, каких на Украине много. Не маленькое, но вы не найдете его даже в подробном атласе автомобильных дорог СССР, в который мы много раз заглядывали, добираясь до Дудчан. Не найдете, хотя через село проходит хорошая асфальтированная автострада, соединяющая Херсон с Харьковом. Но люди, едущие сюда с разных концов Союза, находят. Приезжают в одиночку и целыми семьями. И все — с одной целью: поклониться праху тех, кто зарыт в этой земле, кто отдал жизнь, освобождая Родину от гитлеровцев в годы войны.

Пять дней провела делегация мякинцев на земле украинских друзей. Пять дней, заполненных встречами, знакомством с хозяйством, с памятными местами боев, поездками по району и области.

На другой день по приезде мы были приглашены в райцентр (село Нововоронцовка) на открытие памятника Герою Советского Союза Бережному. Гвардии лейтенант Иван Михайлович Бережной родился в Нововоронцовке и погиб при освобождении Крымской области 10 апреля 1944 года. Памятник ему сооружен на средства, заработанные пионерами и комсомольцами на субботниках и воскресниках. Мы вглядывались в черты лица героя, запечатленные в граните, и пытались пред-

ставить его живым. Энергичный поворот головы, широкий разлет бровей, прямой нос, волевой подбородок и по-детски припухлые губы. Он был очень юным, почти мальчиком, только перешагнувшим через свое двадцатилетие. Но война заставила рано мужать мальчишеские сердца.

А потом, через день, открывали памятник Герою Советского Союза Миннигали Губайдуллину в Дудчанах. Мы невольно сравнивали этих двух юношей и находили в обоих много общего. Они были ровесниками — хлопец из украинского села и джигит из башкирского аула. И хотя они были отделены один от другого двумя тысячами километров, но сердца их бились одинаково, когда в одно время ушли на фронт, одновременно закончили ускоренное офицерское училище, оба командовали пулеметными взводами и, когда Родина позвала на подвиг, — оба совершили его и погибли как герои. Погибли тоже почти одновременно.

Они и внешне были чем-то неуловимо похожи друг на друга. В этих совпадениях видится общность, типичность судьбы того поколения, которое рано было опалено войной, рано возмужало и ценой жизни отстояло в смертельной борьбе с фашизмом честь и независимость нашей Родины. И глубоко символично, что и памятники двум героям поставили одновременно.

На обоих митингах, открывая памятники Героям, ветераны войны, комсомольцы, матери погибших воинов и пионеры во взволнованных выступлениях называли имена Губайдуллина и Бережного рядом с легендарным именем Александра Матросова.

Мы вглядывались в скульптурные изображения

Губайдуллина, Бережного и тоже невольно думали о Матросове. Трое этих юношей не знали друг друга. Но они росли в социалистической стране, учились по одним учебникам и воспитывались в великой любви к Родине, в готовности в любую минуту отдать за нее жизнь во имя счастливого будущего всех советских людей.

На открытие памятника Миннигали Губайдуллину приехали в Дудчаны представители всех колхозов района, приехали писатели и поэты из Херсона (на украинском языке звучат песни и баллады, посвященные нашему земляку-герою). Из других областей и республик прибыли вдовы, матери и дети тех, кто здесь, под Дудчанами, сложил в бою свою голову вместе с М. Губайдуллиным.

Поэт Константин Боянжи прочитал на митинге стихи, посвященные Губайдуллину. Со словами благодарности к украинским друзьям, свято чтущим память сына башкирского народа, выступил глава делегации мякинцев Н. С. Мурзабаев. Затем вместе в председателем колхоза С. И. Наумовичем Н. С. Мурзабаев разрезал ленту, скреплявшую полотнище, которым был укрыт памятник. И перед взором многих тысяч людей предстает запечатленный на пятиметровой стеле в мраморе образ советского офицера-героя: мужественное волевое лицо, устремленный вдаль взгляд. И надпись:

«Герою Советского Союза, сыну братского башкирского народа, гвардии лейтенанту Губайдуллину Миннигали Хабибулловичу

8/III—1921—8/III—1944

закрывшему своим телом амбразуру вражеского дзота при освобождении села Дудчаны».

Колонна мотоциклистов с флагами всех союзных республик доставила землю с места гибели героя. Вместе с землей, привезенной с родины Губайдуллина, она была вложена в нишу у основания памятника. Пионеры дали здесь клятву в верности заветам отцов, в готовности, когда это потребует Родина, повторить их подвиг.

Очень хорошо сказал председатель колхоза Сергей Иванович Наумович:

— В такие вот моменты не только умом, но сердцем постигаешь силу нашего интернационального братства. А Губайдуллин вошел в сердце каждого дудчанца. И будет жить в нашей памяти вечно.

Дудчанцы, испытавшие все ужасы фашистской оккупации, очень хорошо знают, что такое война. Сто сорок жителей села погибли на фронтах Великой Отечественной. Трое были повешены гитлеровцами за чтение и распространение антифашистских листовок. Как же не чтить живым память погибших?

И дудчанцы свято чтут ее. Через архив Министерства обороны СССР они восстановили имена и воинские части всех погибших при освобождении села. Шаг за шагом разыскивали они родных погибших, которые порой даже не знали, где могила отца, мужа, деда, брата. Дом каждого дудчанца гостеприимно распахнут для всех приезжающих сюда почтить память близких. И каждому, кто побывал здесь, это село вошло в сердце, как родное.

Еще более родным оно стало для мякинцев. Особенно сейчас, после посещения его делегацией земляков героя.

— Когда наш колхоз «Червонофлотец» принял решение установить памятник Миннигали Губайдуллина,— рассказала нам председатель исполкома Дудчанского сельсовета Евгения Александровна Медведева,— в правление пришло много колхозников с просьбой взять у них деньги. Руководители хозяйства объяснили им, что правление колхоза специально выделило средства на памятник. Но люди все же настояли на своем. Нет такой семьи в колхозе, которая бы не внесла свой вклад в сооружение памятника.

...Издалека виден монумент, высящийся на холме у дороги на северной окраине Дудчан. С гранитной стелы пристально смотрит парень с восточными чертами лица. На нем офицерская фуражка, лейтенантские погоны. Над ним — Звезда Героя. Смотрит он на село, которое прикрыл от фашистских пуль своей грудью. Далеко от него родной аул Уршакбаш-Карамалы, но есть под ним щепотка земли, привезенная оттуда. Да и вся она родная — земля, которую отстоял он и его боевые товарищи, родная земля Отчизны. Спокойно лицо героя. Как лицо человека, достойно свершившего свое дело.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Не померкнет в веках	7
Село, где он вырос	11
Жаркий летний день	16
У реки	24
Комсомол тебе доверяет	31
Вдали от дома	41
Первый бой	43
Даешь Мелитополь!	47
Вперед, на запад!	52
Для гвардейцев нет преград	54
Дудчаны, Дудчаны	59
На безымянной высоте	67
Шаг в бессмертие	72
Рождение легенды	81
Ты вернулся к нам, Миннигали!	85

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Александр Сергеевич ЗИНОВЬЕВ

ЛЕГЕНДОЙ ВЕРНУТЬСЯ К ЛЮДЯМ

Документальная повесть

Редактор **Ю. Андрианов**
Художники **Ю. Витковский** и **А. Королевский**.
Художественный редактор **И. Файрушин**.
Технический редактор **Ф. Гайфуллин**.
Корректор **З. В. Сайфуллина**.

ИБ 2088

Сдано в набор 16. 04. 82 г. Подписано к печати 7. 05. 82.
Формат бумаги 70×100¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гар-
нитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л.
3,87. Учетн.-издат. л. 3,48. Тираж 50000 экз. П02393.
Заказ В1132. Цена 10 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Совет-
ская, 18
Типография издательства Башкирского обкома КПСС.
г. Уфа, ул. 50 лет Октября, 13

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ваши отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении — просим направлять по адресу:

*450025, Уфа-25,
Советская, 18,
Башкирское книжное издательство*